

Ида Пресс

Клинические умники

Ида Пресс

Клинические умники

«Автор»

2026

Пресс И.

Клинические умники / И. Пресс — «Автор», 2026

Управляет городом Клинич умный и властный мэр Постегань (названия и имена в романе немного изменены), но, несмотря на все свои хозяйственные умения, он и не заметил, как развёл в собственной администрации настоящий скотный двор. На голове он носил увесистую корону, которая в итоге его самого и пришибла, - а всё потому, что нельзя ворам из ближнего круга доверять больше, чем самому себе, ведь их лапы могут оказаться помохнатее и подлиннее, чем у него, а совести вообще может не быть .Он не взял в расчёт, что всякие подпевалы с низкой социальной ответственностью, вроде Алёны и прочих, втихаря копают под него, а он ни сном ни духом. Закончилось всё смещением с должности и тюрьмой, и Клинич теперь управляется бандой назначенцев, которые сменяют друг друга по мере наполнения собственных карманов. Уроды взяли древний Клинич в оборот и похоронили его, завалив мусором и разрушив почти до основания.

© Пресс И., 2026

© Автор, 2026

Ида Пресс

Клинические умники

*Зло надо лечить, как
худого пса, – палками.*
Изречение, приписываемое
М. В. Ломоносову

Глава первая. Дежурный по городу

Утром 7 ноября 201...-го года мэр города Клинича Александр Николаевич Постегань проснулся рано, как всегда, но одеяло скинул с себя неохотно. На то были свои причины. Он лежал и думал, что с удовольствием потратил бы время до обеда, гоняя с ветерком на катере по озеру и нагуливая здоровый аппетит. Его товарищ, Костя Игнатенко, бывший у него сначала на мелкой исполнительской работе, а затем за усердие назначенный начальником комиссии по борьбе с коррупцией, отлично готовил уху и барбекю на костре. Костя и сейчас что-то такое затевал в саду, напевая вполголоса кубанскую песню, и Александр Николаевич, потянув носом, уловил сладковатый запах загоравшихся сосновых чурок. От этого запаха настроение его окончательно упало. День начинался хорошо, но провести его удачно не было никакой возможности. В городе его ждали скучные дела.

Он принял душ и нехотя стал одеваться. Ни одна путная мысль не приходила на ум, – всё, что обдумывал он сейчас, вертелось вокруг одного незначительного и надоедливового вопроса, от решения которого, в общем-то, ничего не зависело. Это-то и раздражало мэра всё больше. Сегодня планировалось провести в Доме ветеранов торжественное собрание, на котором он должен был присутствовать в качестве почётного члена президиума. Он уже представлял себе, как битых два часа будет сидеть в душном конференц-зале, часто вставать, чтобы лично поздравлять ветеранов, слушать бесконечную череду поздравлений, в том числе и стихотворных, которых он терпеть не мог, и при всём этом ещё и контролировать себя, чтобы ненароком не зевнуть. Представив себе всё это, Александр Николаевич в сердцах плюнул на мраморную столешницу итальянского умывального столика, но затем всё же смыл плевки, поскольку свою ванную комнату, начинённую дорогой сантехникой и отделанную в венецианском стиле, он обожал.

Он вообще любил свой загородный дом, который построил пять лет назад в медвежьем углу, на отшибе убогой даже по местным меркам деревеньки, в которой к моменту его появления оставалось с десятков стариков да несколько горьких пропойц неопределённого возраста. Впервые приехав сюда, в эту живописную озёрную глушь, будущий помещик ахнул: это место словно нарочно дожидалось его, и вековые сосны на берегу молчаливого озера в покорном приветствии зашумели верхушками пышных крон, будто бы одобряя его выбор. Строительство дома велось не в спешке, но быстро. Он невольно усмехнулся, вспомнив одну курьёзную историю, связанную со строительством. Дело было в том, что некий полковник из структур госбезопасности тоже в то время приглядывал себе домик в тихом месте и совершенно случайно узнал, что мэр города уже в этом вопросе определился. Полковник со своей свитой тут же примчался на озеро и, увидев, какое прекрасное место уже занял смыслённый градоначальник, в сердцах ругался так долго и забористо, что начальство стройки попряталось кто куда и даже рабочие-узбеки от греха подальше забрались в свои каморки и долго не выходили оттуда. Только вечером узбеки вылезли на свет божий. В тот же день прораб доложил Александру Николаевичу об этом визите. Спокойно выслушав по мобильнику вопли трусливого началь-

ника строительства, мэр принял единственно правильное в этой щекотливой ситуации решение, и через месяц гневный полковник уже называл его соседом.

Полковник оказался мировым парнем, и часто они вдвоём, где-нибудь на лесной заимке у костра или просто на берегу озера, со смехом вспоминали эту историю. Александр Николаевич вообще огромное значение придавал искренней мужской дружбе. Ни одного служебного или личного вопроса в своей жизни он не решил путём спора или грубого нажима, к которому частенько прибегали некоторые из его подчинённых. С такими людьми он расставался без сожаления и угрызений совести, искренне негодуя в душе от осознания административной бездарности этих выскочек, которых он когда-то имел неосторожность приблизить к себе. Любое, даже самое запутанное и сложное дело, можно уладить миром, не прибегая к шумным разбирательствам, – эту истину он усвоил ещё на заре своей административной карьеры. Начинать он на Кубани, но там, в многонациональном степном крае, сложились такие прочные клановые связи, что подняться хотя бы на ступеньку вверх по служебной лестнице можно было только спустя долгие годы безупречной и полной подводных камней службы. А Александр Николаевич ещё в молодости вполне осознал свои силы и желал плодотворно работать, не оглядываясь на сложившиеся традиции и старые взгляды. И он принял решение – уехать из южного края на север и обосноваться невдалеке от Москвы, в тихой провинции, где можно действовать самостоятельно и стать независимым лидером. Никогда впоследствии он не раскаивался в своём решении.

Вспомнив молодость и удачу, Александр Николаевич впервые за это утро позволил себе улыбнуться. Он бодро спустился вниз, в гостиную, где на столе дождался его завтрак, приготовленный супругой. Но завтракать так рано он не стал, решив перекусить уже на работе. Он вышел во двор, довольно осмотрел с крыльца свои обширные владения и направился к новенькому джипу последней модели, у которого деловито расхаживал его шофёр Павел.

– Доброе утро, Александр Николаевич! В город поедет? – поинтересовался Павел предусмотрительно. За те полгода, что он проработал у мэра, он успел досконально изучить его привычки и поэтому знал, что тот не любит первым сообщать о своих планах.

– Да, сразу в администрацию. И не шибко гони, мне по дороге нужно с мыслями собраться.

Павел понимающе кивнул. Забравшись в салон, Александр Николаевич решил на те полчаса, которые отделяли его от работы, забыть о предстоящей торжественной скуке. Внедорожник плавно выехал с деревенских ухаб на шоссе (Александр Николаевич специально не стал приводить в порядок деревенскую дорогу, чтобы автомобилисты не часто заезжали сюда по делу и без дела), и мэр погрузился в свои думы, временами поглядывая на сельский пейзаж за окном. Машина хорошо шла, не встречая никаких помех, и хотя накануне в районе прошёл сильный снегопад, эта дорога была, как всегда, хорошо почищена.

Уже в своём служебном кабинете, обставленном без всякой помпезности и шика и даже с некоторой суховатостью, действовавшей на всякого посетителя в благотворном ключе и сразу настраивавшей на деловой лад любого, кто заходил в эти неброские апартаменты, Александр Николаевич вызвал к себе редактора районной газеты и директора муниципальной телекомпании.

– Надо будет в широком формате осветить сегодняшнее торжественное мероприятие, но без излишних песнопений. И объясните наконец своему умнику оператору, Татьяна Викторовна, что в кадре должен быть не я один, а ещё и зал с ветеранами, – начал он в несколько раздражённом тоне объяснять директору телекомпании задачу предстоящего эфира. – Вас, Игорь Семёнович, я также попрошу осветить это мероприятие без излишнего официоза. И не забывайте, что вам скоро предстоит сделать очень важную работу – осветить в газете предстоящее празднование Дня освобождения. Можете подготовить несколько очерков о ветеранах, воевавших в наших местах. Не забудьте как можно полнее осветить тему сегодняшней заботы обще-

ства о ветеранах. Только поручите эту полосу толковому сотруднику, а не этому своему болвану Шитову, который в падежах путается.

Редактор районной газеты "Знамя труда" Игорь Семёнович Буденич в ответ только как-то горестно кивнул. Он отлично знал и без нравоучений своего напыщенного шефа, что "болван" Андрей Шитов с этой темой не справится, но тем более не справится с ней и сам Игорь Семёнович, потому что ветеранов, освобождавших Клинич в Великую Отечественную войну, в районе не осталось, а высасывать тему из пальца редактор не любил. Надо было, как всегда, находить выход из положения. "Почему всегда я за весь этот бардак должен отдуваться?" – раздражённо думал он, не слушая уже ценных указаний мэра. И всегда-то он, Игорь Семёнович, должен думать за всех этих умников из администрации, просчитывать всё на десять шагов вперёд, чтобы не ударить в грязь лицом. А ведь когда-то он был полон творческих планов и надежд и жаждал работать. Куда же всё это ушло? Некоторые его однокурсники сделали отличную карьеру в Москве. Многие пишут, хотя и на заказ, но то, что хотят, не оглядываясь ни на каких постеганей, отягощённых космической наследственной дурью. Как же надоела Игорю Семёновичу алчная и недалёкая свора мэра, с её непомерными аппетитами, с провинциальной ленью, с тупым скотским равнодушием ко всему, что не касается лично её! Игорь Семёнович вдруг с ненавистью подумал, что он, человек с университетским образованием, либерал и умница, вынужден, как свиной приплод на ферме, есть из того же корыта, что и вся эта районная номенклатурная сволочь. Он обдумывал всё это и не заметил, как мэр, закончив читать свои нотации, взглянул на него с усмешкой.

– Игорь Семёнович, проснитесь наконец! – рявкнул Александр Николаевич, определивший с ходу, что никчемный журналюга опять что-то такое гаденькое обдумывает и наверняка в душе насмехается над ним.

Игорь Семёнович, услышав начальственный рык, сразу вышел из оцепенения. Уже выходя из кабинета, он в дверях заверил Александра Николаевича, что всё будет сделано, как всегда, чётко и в творческом ключе. На службу в редакцию он уехал в прескверном настроении.

На столе в редакционном кабинете уже лежали первые пять газетных полос, принесённых ответственным секретарём на подпись. По пути к себе Игорь Семёнович, как обычно, заглянул во все кабинеты редакции, чтобы поздороваться с сотрудниками и узнать, как идут дела. Заглянув в кабинет, занимаемый верстальщиками и корректором, он с некоторым неприятным чувством отметил, что корректор, дама средних лет, сначала как-то двусмысленно хихикнула, а затем отвернулась к окну, чтобы скрыть от него невольную улыбку. Игорь Семёнович нахмурился. Тут явно без него что-то произошло. Он решил со стороны понаблюдать за ней, но Светлана Викторовна, почувствовав его взгляд, тут же уткнулась в какую-то статью на столе и стала водить по ней карандашом, изображая глубокую сосредоточенность.

Вот какова же ведьма! Игорь Семёнович знал, что не всё, что пишется в редакции, доходит до его стола, – Светлана Викторовна сама выбраковывает особо яркие опусы некоторых сотрудников, щадя и своё время тоже. Он и не задавал никогда лишних вопросов ей, зная наперёд, что та ему может ответить.

Уже через пять минут Игорь Семёнович понял, что ввергло всегда ровного и даже несколько скучного корректора в такое весёлое состояние. Прочитав передовицу и добравшись до второй полосы, Игорь Семёнович сначала побагровел, а затем вылетел из кабинета и приказал перепуганной секретарше поскорей отыскать ему Шитова.

– Так он же на задании, Игорь Семёнович, – пролепетала Женя, хорошенькая девчушка лет восемнадцати.

– Плевать мне на это! Звони ему на сотовый, пусть немедленно едет в редакцию, и чтобы через полчаса был здесь! – выпалив всё это, Игорь Семёнович гневно хлопнул дверью своего кабинета и в сильнейшем волнении стал ходить из угла в угол, сжимая кулаки от ярости.

Через полчаса с небольшим у его двери уже топтался несчастный Шитов, никак не решаясь войти к шефу. Дело ускорила Женья, сообщив Игорю Семёновичу по телефону, что Андрей уже приехал. Шитов с плохо скрываемой ненавистью посмотрел на неё, но ничего не сказал этой дурехе, которой не было никакого дела до его неприятностей.

Войдя в кабинет, Андрей увидел, что дело приняло для него самый прескверный оборот: шеф сидел в своём удобном кожаном кресле и красной ручкой рисовал чертиков на полях второй полосы.

– Ничего не хотите мне сказать, Андрей Васильевич? – спросил он Шитова преувеличенно вежливо. Видя, как растерянная глуповатая улыбка блуждает на лице этого очкастого увальня, Игорь Семёнович левой рукой придвинул к краю стола полосу и ткнул указательным пальцем в статью под названием "Полный вперед". – Читайте, Андрей Васильевич, своё произведение, только про себя, а я потом спрошу у вас, можно ли было нести это редактору.

Шитов, преувеличенно быстро шевеля толстыми губами, начал читать:

«С каждым днём хорошеет и богатеет наш город. Во всём чувствуется забота, твёрдая рука и уверенная поступь.

Замолкли фонтаны. Но до чего же они хороши и без воды! Будущая аллея фонтанов-родников привольно раскинулась у центра "Стекольный": в каменной кладке, газонном грунте, неповторимой парковой атмосфере. Восстанавливается старый фонтан на ул. Гагарина. Ловкие рабочие в синих комбинезонах, несмотря на промозглый осенний ветер и холодный снег, самоотверженно реставрируют чашу фонтана, вырубаят закрывающий виды корявый кустарник, мостят красной плиткой лучи пешеходных дорожек.

Продолжается укладка мостовой плитки и у мемориала Славы. Лежавший здесь многие годы асфальт выглядел неэстетично, и не удивительно, что новые времена благоустройства смели его под самый корень. Хорошим дополнением этому стала и металлическая ограда – ажурная, массивная, способная надежно защитить шоссе у Вечного огня от паркингов длиннющих свадебных кортежей.

Радует глаз и на свежесть новых домов-новостроек. Подведённые под крыши, они терпеливо ждут своего часа сдачи госкомиссиям – на улицах Чайковского, 60 лет Комсомола, Гайдара, на Волоколамском шоссе. А вдогонку им уже спешат другие новостройки – столь же долгожданные и многообещающие.

Осенний мокрый снег хотя и злит, но земляная жижа повсеместных раскопов вызывает только чувство одобрения и стоического терпения. Вроде и вымажешься по колено, а заглянешь внутрь рва, увидишь холодный блеск новой металлопластиковой трубы и сразу понимаешь – это того стоит.

Жалко, что с первыми стаями перелётных птиц свернулись и весёлые шатры пивных-разливочных. Сезон уличной торговли продолжают только не подвластные холодам наши знойные братья с юга. Тут тебе и картошечка русская, и овощ всякий крутобокий – покупай и не майся разгулом цен в супермаркетах.

Сетевые гиганты, впрочем, чувствуют себя вполне уверенно. Ещё один свой дворец из стекла и бетона они возводят ударными темпами напротив торговых рядов. Скоро их длинные руки возьмутся за Литейную, дом 5, и на куче праха старого клинического мира возведут ещё один столп его завтрашнего дня.

Но и терпкий аромат прежних времён никуда не уходит от нас. Подтверждение тому – Дом культуры на Советской площади. Облупленные стены и колонны еще раз убедительно подчёркивают его ненужность современному Клиничу. Вот соберём денег, поставим на крышу купола, и здесь снова всё наполнится первозданной духовностью.

А ещё на дворе первая неделя ноября. Мрачно, склизко. И хочется уже только одного – белого-белого снега».

Закончив чтение, Шитов не слушающимися от нахлынувшего волнения руками вернул полосу на место и стал мямлить что-то про новые авангардные течения в мировой публицистике, но Игорь Семёнович прервал его оправдания самым беспардонным образом:

– Вы, Андрей Васильевич, просто полудурок, какие даже в нашем городе большая редкость. Писать вы не умеете, так хотя бы научились маскировать свою бледную творческую немощь, прибегая к простым доходчивым фразам. Вы всерьёз полагаете, что я долго буду терпеть ваш бред? Корректор жалуется, что в ваших опусах английских заумных аббревиатур и компьютерного сленга больше, чем русских слов. Для кого вы пишете? Или вы думаете удивить клиничан своей эрудированностью? Так вы их и так в каждом номере удивляете. Вот что, Андрей Васильевич, – Игорь Семёнович нервно забарабанил пальцами по витражной столешнице своего модного бюро (это было его последнее приобретение, и он очень им гордился), – или вы переходите на понятный большинству наших граждан великий и могучий русский язык, или в самом скором времени эти граждане пошлют вас, и не думайте, что я смогу вас защитить.

Буденич распался всё больше и больше, но сделал остановку и перевёл дух. А затем продолжил:

– Вот скажите мне, что на вас нашло? Уму непостижимо: грохнуть с заумных высот в балалаечную какую-то стилистику! Вы, Андрей Васильевич, скажу вам по секрету, далеко не Демьян Бедный. Больше не упражняйтесь в том, в чём не смыслите ничего. А теперь идите и обдумайте хорошенько мои слова.

Когда Шитов, пятясь задом к двери, наконец выкатился из кабинета, Игорь Семёнович энергично потянулся в кресле, так что хрустнули шейные позвонки. Он понимал, что Шитов хорош как составитель всякого рода статистических таблиц, отражающих успехи клинической промышленности, и поэтому придётся оставить этого блаженного в покое. Доверять ему написание материалов общественно-политической значимости редактор зарёкся. «И куда только смотрела эта курица Лариса Дмитриевна? Тоже мне, ответственный редактор. Наверняка, как всегда, спихнула всё на корректора, а сама убежала по магазинам. Пусть теперь сама расхлёбывает, что натворила», – лениво думал Игорь Семёнович. Выйдя из кабинета и зайдя к Ларисе Дмитриевне, которую он за глаза называл Масыней в Кризисе, Игорь Семёнович увидел, что та вместе с верстальщицей копается в файлах недельной давности, чтобы закрыть чем-нибудь шитовскую стряпню на второй полосе. Буденич усмехнулся довольно, но тут же помянул нехорошим словом кобру-корректора, которая, конечно, специально растянула весь этот водевиль до размеров эпопеи, чтобы доставить ему особую радость. Наверняка сейчас сидит, пьёт кофе и покатывается со смеху, вспоминая особо яркие моменты феерического репортажа.

Через час отчёт о шитовском дневном дозоре был убран с полосы и заменён какой-то депутатской статистикой о повышении надбавок и пенсий. Всё случилось, как всегда, и Игорь Семёнович теперь мог подумать о предстоящем важном номере, до выхода которого оставалось совсем немного времени.

Он позвонил в районный военкомат и попросил военкома полковника Махеева как можно скорее прислать ему по факсу список ещё живых ветеранов – участников войны, а также тех, кто принимал участие в обороне и освобождении Клинича. Список, который прислали из военкомата, поверг Игоря Семёновича в глубокое уныние. В нём было двадцать три фамилии, но двенадцать людей из него приехали в Клинич уже после войны, ещё шестеро из дома уже не выходили по причине старческой немощи и болезней, а остальные, как оказалось, воевали в тылу и в боевых действиях не участвовали. И не было среди них ни одного человека, кто непосредственно принимал участие в освобождении города.

– А вы, Игорь Семёнович, обратитесь в первичные ветеранские организации, их ведь много у нас, – посоветовал умница Махеев совсем уже приунывшему редактору. – Наверняка многие местные жители, тогдашние дети, прекрасно помнят оккупацию и освобождение города. Постройте очерки на их воспоминаниях. Ведь сейчас большинство из них заслуженные

люди, ветераны труда и труженики тыла, а может быть, остались у нас и те, кто успел повоевать. Посильную помощь в этом я вам окажу.

Игорь Семёнович несколько успокоился после слов полковника. Так, надо было действовать безотлагательно. Он позвонил в Дом ветеранов и попросил выявить заслуженных пенсионеров, чьё детство или юность пришлись на военные годы и кто был свидетелем оккупации Клинича или даже участвовал в освобождении города. К большой его радости, через три дня выяснилось, что таких среди местных ветеранов оказалось немало. Но возникли сложности, о которых доверительно сообщила ему по телефону директриса Алла Геннадьевна, дородная дама лет сорока. Она вот уже десять лет находилась в состоянии необъявленной войны с собственным весом, но вес её, по причине частых застолий и обильных возлияний в подведомственном учреждении, неизменно выходил победителем в этой борьбе. Что только ни делала Алла Геннадьевна, чтобы влезть в обожаемую ею джинсовую брючную тройку! Она запретила своим сотрудникам и активистам ветеранских организаций подносить ей в праздники шоколад и конфеты, сократила до минимума чаепития в рабочее время, даже собственный день рождения превратила в день строгого поста, но настырные старики с чувством глубочайшей благодарности всё тащили и тащили, так что Алла Геннадьевна частенько пребывала в угнетённом состоянии духа.

Она сообщила Игорю Семёновичу, что шестнадцать пенсионеров, активно посещающих её учреждение, в дни оккупации и освобождения города были подростками, но, к сожалению, из всех шестнадцати Игоря Семёновича сможет заинтересовать только один старик, поскольку трое из этого числа уже с трудом вспоминают своё имя, четверо наотрез отказались давать интервью, шесть человек после войны основательно подпортили свои анкетные данные, связавшись с уголовным кодексом, а двое из списка, по собственным наблюдениям Аллы Геннадьевны, склонны к фантазиям и вполне могут выкинуть из старческой вредности что-нибудь этакое.

– Что же, Алла Геннадьевна, будем работать с теми, кто остался, – тепло поблагодарил Игорь Семёнович директрису и тут же деловито осведомился:

– Старик-то хоть не из идейных? Какое у него образование?

– Образование самое подходящее, Игорь Семёнович, – семь классов, восьмой коридор, да ещё курсы электромонтёров в учебном комбинате, – успокоила его Алла Геннадьевна.

Игорь Семёнович заметно повеселел. Теперь-то за основным очерком праздничной полосы дело не встанет. Этот старик, по словам Аллы Геннадьевны, узнав о предстоящем очерке в районной газете, чуть ли не прослезился. Он порывался сам приехать в редакцию, и Алле Геннадьевне едва хватило красноречия, чтобы удержать старика дома.

Это дело оказалось трудным.

– К вам, Максим Яковлевич, приедут домой. И никуда ходить не надо. Вы слышите меня, Максим Яковлевич? Будьте завтра дома и ждите приезда двух сотрудников редакции, журналиста и фотокорреспондента. – Алла Геннадьевна битых полчаса сидела у телефона и старалась чётко и ясно произносить слова, зная, что старик почти глухой.

Директриса уже хотела окончить разговор и положить телефонную трубку, как вдруг Максим Яковлевич довольно сообщил ей, что его старуха накроет праздничный стол, а сам он по случаю приезда важных гостей достанет пол-литра "Стольной". Алла Геннадьевна от испуга обомлела, но через мгновение взяла себя в руки и тоном фельдфебеля приказала Максиму Яковлевичу пол-литра отставить, а угощать гостей исключительно чаем. Старик хотел было оспорить её решение, весьма фривольно заявив, что он ещё ого-го и в тираж не вышел, но в ответ на это Алла Геннадьевна заявила, что никаких корреспондентов Максим Яковлевич не дожждётся, если будет упорствовать и вести себя как дитя малое.

Угроза подействовала. Максим Яковлевич хотел обидеться, но передумал, однако вовсе не из-за ультиматума Аллы Геннадьевны, а под давлением супруги, которая, как слышала директриса в трубку, по-семейному и не без лёгкого рукоприкладства призвала его к порядку.

Глава вторая. Хлопоты

В то самое время, когда Алла Геннадьевна ругалась по телефону с Максимом Яковлевичем, мэр города собрал в конференц-зале районной администрации своих подчинённых: нескольких своих заместителей, руководителя городского водоканала, директора комбината благоустройства, начальника ДРСУ и двух специалистов из ООО "Горжилсервис", а также четырёх депутатов городского собрания и целую команду телевизионщиков, которых он любил приглашать, когда планировал публичную экзекуцию кого-либо из городских руководителей. Александр Николаевич любил устраивать такие спектакли и даже позволял себе иногда пошутить на эту тему с самыми близкими своими сотрудниками. Вот и сейчас, подходя к дверям конференц-зала, где уже ожидали его чиновники, он дружески пожал руку стоявшему у входа начальнику службы безопасности Несволоду и шутливо осведомился у него:

– Леонид, мои бандерлоги уже все собрались?

– Да все на месте, Александр Николаевич, и пальмы уже поделили, – в тон вопросу отпартовал бравый отставной полковник, усмехнувшись в пышные усы.

– Добро, добро. Сейчас начну раздавать бананы, а то ведь передерутся без меня.

Зайдя в зал, Александр Николаевич не спеша прошествовал в президиум и уселся рядом с пресс-секретарём администрации Алёной Проволоцкой.

Алёна слыла в Клиниче легендарной личностью. После вступления в должность она заявила мэру, что отныне главным направлением работы администрации она лично считает единение с народом во всех без исключения вопросах жизни города. Александр Николаевич сначала подумал, что поспешил с назначением, но потом махнул на Алёну рукой, решив, что такой секретарь в каком-то смысле ему даже полезен. Алёна действительно поплыла в демократическом потоке, но поток этот оказался очень избирательным и захватил только модные салоны и ателье Клинича, где секретаря самого мэра знали все стилисты, маникюрши и даже уборщицы.

Само собою, при таком единении с народом времени у Алёны ни на что не хватало. Александр Николаевич смотрел на это сквозь пальцы, зная, кого потащит на светские мероприятия и кто будет только рад этому. Иногда он читал ей нотации, когда до него через седьмые уши доходили слухи о том, какую сумму в очередной раз она оставила у закройщика или парикмахера. Но выпады градоначальника она неизменно игнорировала и даже приводила доводы в свою пользу, заявляя, что пресс-секретарь главы города не должен выглядеть, как некоторые замарашки в администрации, например, как его заместитель Замарина, которая на десять лет моложе её, а выглядит в своих мехах и бриллиантах нелепее коровы на льду.

Вот и сейчас Алёна сидела в президиуме, ловя на себе восхищённые взгляды городского руководства. Её костюм, как всегда, был свеж и нетривиален, – лёгкая полупрозрачная туника фисташкового цвета с замысловатыми аппликациями на плечах дерзко контрастировала со скаутским галстучком и короткой венгеркой, расшитой позументом на рукавах и груди. Александр Николаевич, оценив Алёнин наряд, почувствовал некоторую ревность и пробурчал ей недовольно:

– Что это вы напялили на себя, Алёна Михайловна? Вы что, блошинный рынок ограбили? Хотя бы раз извольте прийти в человеческом виде! Не смущайте наш целомудренный народ.

– Целомудренный народ! – передразнила шефа Алёна. Она даже и не подумала как-то смутиться. – Много вы понимаете. Я эти вещи хайпанула на маркете.

– Где-где вы их хапнули? Слушайте, хапайте себе на здоровье, что хотите, но оставьте мой электорат в покое!

Алёна в ответ снисходительно улыбнулась. Не объяснять же этому кондовому мужлану сейчас, что означают эти слова.

Александр Николаевич окинул взглядом притихший зал, соображая, кого бы первого начать истязать. В вопросах публичного воспитания своих подчинённых он не придерживался никакой строгой тактической линии, всегда стихийно выбирая свою жертву. Невозможно было предугадать, на кого обрушится гнев градоначальника, потому что не знал этого заранее и сам он. Сейчас Постегань решил, что первой его жертвой станет директор комбината благоустройства, меланхолического вида долговязый старик, страдавший подагрой и целым букетом других старческих болезней. Александр Николаевич давно точил зуб на этого неприятного старикашку, желая спихнуть его на заслуженный отдых. Но формального повода для такого решения всё не находилось, и мэр решил наконец найти этот повод самостоятельно.

– Виктор Петрович, вы не в курсе, что у нас сейчас происходит в квартальных зонах отдыха, за порядок в которых отвечаете непосредственно вы? – Александр Николаевич сразу взял быка за рога, не дав Виктору Петровичу собраться с мыслями.

Старик в ответ только бессмысленно заморгал и беспомощно почему-то уставился на Алёну, а Александр Николаевич, не мешкая, продолжил наступление:

– А во дворах у нас, особенно в центральном микрорайоне, творится безобразие. Всё лето дежурный администрации докладывал мне, что в фонтан на улице Мира кто-то выливает моеющее средство. Мы что же, так и будем молча наблюдать, как миллионы из городского бюджета, отпускаемые на благоустройство, утекают неизвестно куда?!

Виктор Петрович надумал было сказать, что поимка хулиганов, регулярно выводящих из строя сложные инженерные устройства, не в его компетенции и что миллионы из городского бюджета на строительство фонтанов потрачены по личному указанию самого Александра Николаевича. Но говорить всё это он не стал, а предпринял вялую попытку оправдаться, упирая на то, что средств, выделяемых на нужды его хозяйства, хронически не хватает.

– Так мы можем дойти чёрт знает до чего, – загремел в ответ на эти жалкие потуги мэр, – а народ, которому мы служим, нас может не понять. И спросит народ лично вас, Виктор Петрович: а что же происходит в нашем городе? Почему не работают наши прекрасные фонтаны? Ведь они – гордость наша, можно сказать, Петергоф в миниатюре!

Александр Николаевич очень любил такие особенные моменты заседаний, когда распекаемый руководитель, не имея никакой возможности защититься, лепечет что-то в своё оправдание, опустив голову, как проштрафившийся школьник. Никто уже не слушает его, а всё внимание сосредоточено на речи мэра. Александр Николаевич ещё минут пятнадцать говорил об ответственности городских руководителей перед народом, а затем, выдержав многозначительную паузу, сообщил, что эта ситуация требует самых серьёзных административно-кадровых решений, которые будут приняты им в ближайшее время. Все присутствующие знали, что это означает. Знал это и Виктор Петрович, который сразу после речи мэра, сославшись на плохое самочувствие, вышел из зала.

Виктор Петрович вышел на улицу и бросил злобный взгляд в сторону администрации. Он выпал из системы, но сейчас жалел не об этом. Ему обидно было, что он, подполковник в отставке, боевой офицер, был предан сегодня публичному позору, и кем? Этим толстым бороваком без роду-племени, притащившимся в Клинич неизвестно откуда. Виктор Петрович твёрдо решил сегодня же примкнуть к городской оппозиции, которая неизменно предавала осмеянию все решения городского главы. Он с ностальгией вспомнил, как пятнадцать лет назад он, тогда ещё полный сил офицер-отставник, поступил в распоряжение прежнего градоначальника и начал работать буквально голыми руками, не имея никаких финансовых возможностей для благоустройства города. В его распоряжении оказалась бригада пьянчужек обоего пола, да две

женщины в должности техников-озеленителей, которые попеременно пребывали в декрете. Высаживать цветы и стричь газоны его гоп-команда ещё кое-как могла, но большего от них ждать не приходилось. Тогда и приехал в Клинич этот южный казачок Постегань. Он сумел в короткие сроки съездить с потрохами прежнего городского главу, а затем сколотить собственную команду из таких же, как и он сам, перекати-поле. И начались в Клиниче перемены, о которых Виктор Петрович сейчас вспомнил с саркастической ухмылкой.

Новые веяния охватили как-то разом все стороны городской жизни. Александр Николаевич пошёл в народ совершенно бестрепетно, с лихой отвагой, которую заметил в нём даже губернатор. Неизменно новый мэр, выезжая в какую-нибудь тьмутаракань, брал с собою с десяток руководителей районного масштаба, а также команду телевизионщиков, которых подбирал для работы в местной телекомпании лично, и тащил всю эту ораву на весеннее распаханное поле, по которому с изумлением скакали грачи и вороны, тащил их в самую грязь, чтобы лично пожать руку трактористу, который от такого внимания терял дар речи. Народ между тем гадал: скоро ли прекратятся колхозные экспедиции мэра? Но это было только самое начало.

Еженедельные заседания руководителей муниципальных служб, управлений и комитетов, проводимых в администрации под председательством нового мэра, стали напоминать заседания ревкомов времён Гражданской войны. Решения принимались молниеносно и неизменно под град аплодисментов, предназначавшихся лично Александру Николаевичу.

Новости местного телеканала каждый клиничанин ждал теперь с нетерпением, и даже бабушки у подъездов стали ярыми поклонницами нового городского развлечения.

Вскоре популярность мэра достигла невиданной прежде высоты, и Александр Николаевич приступил наконец-то к исполнению давнишних своих задумок, которые должны были увековечить его имя на скрижалях Клинича.

Однажды утром, в самую унылую осеннюю слякоть, мэр, объезжавший по своему обыкновению город со свитой наиболее приближённых соратников, которые тащились за его внедорожником на трёх развалюхах отечественного автопрома, вдруг неожиданно вышел из машины прямо посреди центрального проспекта. Он молча стал разглядывать основную достопримечательность этого места, к которой клиничане за долгие годы уже привыкли и никак не замечали её, – это была огромная лужа, которая неизменно возникала на этом месте всякий раз, когда местная теплосеть в ноябре начинала раскопки, чтобы извлечь из земли прогнившую трубу. Труба гнивала каждый год, и именно в ноябре, и не было никакой возможности у обитателей Клинича избежать этой беды.

Вслед за мэром в лужу с вопрошающим выражением на лицах уставились и сопровождавшие его чиновники. Александр Николаевич ещё минут пять постоял молча, затем ткнул указательным пальцем в самую середину водоёма и, не оборачиваясь к свите, провозгласил:

– Запомните этот день и это место, хорошо запомните, коллеги! Я обещаю вам и всем жителям Клинича, что через год вы не узнаете свой город. Не будет больше никаких коммунальных аварий и фонтанов, бьющих прямо из земли в местах прохудившихся теплотрасс. Мы больше не будем закапывать миллионы бюджетных денег в землю. Мы создадим в Клиниче уникальную наземную систему теплоснабжения, и многие поколения горожан ещё будут благодарить нас за эту революционную идею!

Свита мэра, услышав про революцию, застыла в полном недоумении. Никто ничего не понял. Это было простительно, поскольку дело было новое, нигде прежде не виданное. Но уже через обещанный мэром год все они с искушённым видом вещали населению о невиданном для Клинича благе – наземной теплотрассе, которая к концу лета опутала весь город гигантским змеиным клубком. Трубы блестели на солнце металлическими боками и радовали клиничан, а также удивляли гостей города. Но вскоре Александру Николаевичу стали докладывать о неприятных происшествиях, которые угрожали его детищу. Бомжи снимали металлическую обшивку с труб и тащили это добро в пункты приёма цветного металла. Мэр негодовал. На

одном из еженедельных заседаний он дал личное указание прокурору Клинича инициировать несколько показательных процессов над выявленными несунами цветмета, но на население это не произвело совершенно никакого впечатления, поскольку бомзам и пьянчужкам было всё равно, где проводить время, – в холодном милицейском обезьяннике или в родных трущобах.

Со временем кое-где ещё сохранившаяся металлическая обшивка стала выглядеть неприглядно и убого, и даже местная шпана, раньше с удовольствием прогуливавшаяся по блестящим новеньким трубам, забросила это занятие. Первый городской опыт Александра Николаевича потерпел оглушительное фиаско, но мэра это не расстроило. Он был готов к новым свершениям и трудностей не пугался.

Прошло ещё два года правления кубанского бравого казачка, в течение которых клиничане окончательно раздели городскую теплотрассу. Теперь она в отдельных местах ещё подставляла солнцу тусклые проржавевшие бока, но эти жалкие фрагменты бывшего величия не могли скрыть ни струй пара, прорывавшихся из-под неряшливо закрученных вентиляей, ни ключев рыжей стекловаты, которую подвыпившие подростки растаскивали по городу, ни надписей, самым nepотpeбным образом оскорблявших городское руководство. Работники городских жилконтор по указанию мэра закрашивали это хулиганство, но надписи появлялись вновь и вновь, так что Александру Николаевичу пришлось дать негласное распоряжение клинической полиции – патрулировать в вечерние и ночные часы теплотрассу, чтобы хулиганствующая молодежь отучилась наконец трепать его имя.

Пришло время новых свершений. Александр Николаевич с энтузиазмом взялся за новый проект, суливший городу невиданное развитие. Вскоре Клинич, жизнь которого проходила, так уж случилось, вдоль федеральной трассы, был потрясён масштабным строительством. Но строились не дома и какие-либо учреждения, а бензоколонки, автомастерские, паркинги и автомойки. Клиничане вначале с азартом подсчитывали нарождавшиеся в городе, как грибы после дождя, эти заведения, но затем сбились со счёту. Более того – нашлись в Клиниче даже недовольные и политически неверно ориентированные граждане, которые вначале шептались по углам, а затем начали говорить открыто, что мэр Постегань превратил их цветущий город в вонючую автозаправку. Александру Николаевичу пришлось провести немалую организационно-разъяснительную работу, чтобы заткнуть этим мерзавцам рты. «Мы дали тысячам клиничан достойную работу на новых объектах городского автосервиса! Кто может опровергнуть этот неоспоримый радостный факт?! И пусть разного рода злопыхатели в бессильной злобе пытаются выдать белое за чёрное, утверждая в своих никчёмных газетёнках, что городу не нужно светлое будущее, истинные патриоты Клинича знают: мы, слуги народа, стоим и будем стоять на страже интересов горожан!» – гремел с трибун градоначальник.

Но оппозиционная пресса и не думала успокаиваться, расстраивая Постеганя. И чем больше появлялось рекламных щитов у новеньких автозаправок и мастерских, тем упорнее и злее становился поток гадкой лжи, изливавшийся со страниц не подконтрольной мэру прессы. Молодые подонки, взращенные на деньги недоброжелателей Александра Николаевича, в своих полуподпольных редакциях строчили статейки, в которых утверждалось, что большая часть городского автосервиса принадлежит лично главе или записана на его многочисленных южных родственников. Более того, эти молокососы утверждали, что мэр не только крадёт деньги из городского бюджета, но ещё и спонсирует нелегальную миграцию, поскольку на его заправках работают не клиничане, а гастарбайтеры, которых в городе стало больше, чем коренного населения.

Надо было срочно что-то предпринимать, иначе эта наглая ложь легла бы жирным пятном на репутацию главы. И однажды в служебном кабинете Александра Николаевича состоялось тайное совещание с прокурором города, начальником районной полиции и начальником паспортно-визовой службы Клинича. Задача, которую предстояло решить, представлялась всем собравшимся очень непростой: нужно было превратить азиатов, шатавшихся по городу,

в легальную трудовую армию. Выход предложил Коля Чапан, начальник паспортно-визовой службы. Он оказался до смешного простым: Чапан предложил регистрировать гастарбайтеров в заброшенных деревенских домах, благо таких в районе было великое множество.

Вначале всё шло как нельзя лучше. Возникали, конечно, отдельные проблемы: нашлось несколько хозяев сельских развалюх, которые по глупости и из жадности запросили за регистрацию немислимые деньги, но с такими хапугами районная паспортная служба возиться не стала. А затем случилось то, чего никто не мог предвидеть.

Одна старуха из глухого села Радищево умудрилась нахватать кредитов на три миллиона рублей под залог земельного участка и дома. Платить она и не собиралась, и в один прекрасный день её дочка и зять, погрузив в шикарный «инфинити» всё честно нажитое, вместе с мамашей укатили из деревенской глуши в необозримые российские дали, оставив три городских кредитных учреждения с носом. Когда же через некоторое время в дом старухи явились судебные приставы, чтобы описать её хозяйство, они не обнаружили в нём ни бессовестной заёмщицы, ни её семьи, ни самого имущества, подлежащего аресту. Но дом, как оказалось, отнюдь не пустовал, и взору изумлённых приставов предстал интернациональный рабочий коллектив, имевший на руках паспорта с официальной регистрацией, причем эта регистрация была у всех одна – Клинический район, село Радищево, дом 18. «Кто же позволил вам тут жить в таком количестве?!» – спросил апатичных узбеков вконец обалдевший пристав, который ничего подобного в своей жизни ещё не видел. «Чапан разрешил, начальник», – ответил за всех высокий старик-узбек. «Какой такой чабан? Ты чего мне тут голову морочишь?! Отвечай, ты, ветеран Кара-Кума, кто вам здесь позволил находиться, а не то живо отправитесь обратно в чуйские эмираты!» – взревел пристав. Он орал так громко, что постояльцы со страху забились во все тёмные закутки и закоулки в доме и затихли там, ожидая, чем всё закончится.

Однако нашёлся в команде приставов неглупый человек, который разъяснил своему молодому начальнику, что Чапан, про которого толковал старик-узбек, никакой не пастух, а главный паспортист района. Начальник, осуществлявший до сего дня исполнение судебных решений без всякого огонька в душе, сразу сообразил, какое резонансное дело может из всего этого получиться. Приехав в свое учреждение, он тут же накатал заявление в районную прокуратуру о выявленных лично им грубых нарушениях гражданского законодательства. Зная склочный характер этого законника, прокурор не посмел замять дело, принимавшее самый нехороший оборот. Что же было делать?

И прокурор решился сделать трудный, но такой необходимый для чести района шаг. Он долго рассматривал трубку телефонного аппарата, наконец сурово, по-мужски, стукнул кулаком по столу и набрал номер приёмной мэра. После разговора с Александром Николаевичем вопрос разрешился законным образом, и виновник всего этого беззакония и вопиющей халатности, Николай Петрович Чапан, в тот же день был уволен со службы.

Александр Николаевич, приехав домой после трудного и болезненного, почти личного для него дела, крепко напился. Он не любил терять людей, которым доверял, как самому себе, а тут случилось такое, и кто же всё это натворил? Человек, которого мэр считал чуть ли не сыном, который буквально вырос на его глазах! Да, потеря была трудная. Но Александр Николаевич переборол себя и на следующее утро явился в свой кабинет бодрым и подтянутым, с какой-то суровой решимостью в глазах.

Нужно было жить дальше, – этого ждали от него люди, которые нуждались в нём. Дела в районе в последнее время шли в гору, и Александр Николаевич просто не мог допустить, чтобы какая-то глупая мелочь разрушила всё то хорошее и поистине нужное людям, что делал он как глава города и района. Он некоторое время задумчиво размышлял о себе и о людях, которые его окружали, и решил вдруг, что сейчас, именно сейчас, самое подходящее время для новых амбициозных проектов, о которых он раздумывал в недалёком прошлом, но исполнение которых всё как-то откладывал. Не из нерешительности, нет, – просто время для них тогда ещё

не наступило, а сейчас, на пике борьбы с коррупцией и административным засильем во всех сферах жизни, их просто необходимо было претворить в жизнь.

Клинич, который он успел полюбить всей душой, часто раздражал его своим провинциальным видом, каким-то сонным равнодушием обывателей и неумением обустроить по-европейски свою жизнь. Торговля пребывала в полудиком состоянии, поскольку была по-азиатски разбросана по разным мелким магазинчикам, лавкам, каким-то немислимым ларькам и киоскам, которые расплодились в городе в таком количестве, что уследить за их деятельностью не было никакой возможности. Разве так должен был развиваться истинно культурный город? Александр Николаевич решил, что пора кончать с местным купеческим болотом, в котором неизбежно погибло бы всё новое и смелое, к чему стремилась его душа.

Вскоре он встретился с губернатором области Гномовым. От этой поистине судьбоносной встречи зависело многое и в его личной судьбе, и в судьбе Клинича, который скоро, очень скоро, должен был превратиться в город-сад.

В Клинич пришла весна, а вместе с ней в город приехала огромная армия строителей. И жизнь города, до того момента более-менее размеренная и спокойная, разом круто переменялась. Масштабные стройки начались сразу в нескольких местах. Вся городская рать во главе с Александром Николаевичем дни напролёт с какой-то неопишуемой лихостью и юношеским задором носилась по городу, давала ценные указания прорабам и простым рабочим, кого-то ругала, кого-то хвалила, и город, воодушевлённый переменами, почти перестал спать. Впрочем, нашлись среди городской интеллигенции, которую Александр Николаевич про себя окрестил поганой сволочью, отдельные ревнители клиничской старины, которые нагло кое-где заявляли, что мэр губит город. Эти тупоголовые охранители древних мощей даже основали собственную общественную организацию, которая стала всячески пакостить мэру и некоторым городским муниципальным управлениям. Они рассылали письма куда только могли, звонили во все инстанции, стучались во всевозможные властные кабинеты в администрации губернатора и даже в самой Москве, – в общем, надоедали главе города как могли, вставляя палки в колёса прогресса и централизации.

Конечно, они не могли уже ничего изменить, и Александр Николаевич по доброте душевной позволял им твякать на себя. Он уже со счёту сбился, подсчитывая, сколько различных комиссий из области приезжало по его душу, чтобы проверить, соответствуют ли действительности все те факты уничтожения памятников архитектуры и культурного наследия, которые раскопали и предали публичной огласке эти полоумные любители древностей. Александру Николаевичу пришлось даже лично вникнуть в некоторые подробности истории древнего Клинича. Он выяснил отдельные анекдотические стороны этого прошлого. Полуразрушенное городское пожарное депо, стоявшее на берегу реки в самом центре Клинича, в один прекрасный день само тихо сползло в воду, потому что денег на укрепление берега в городской казне на тот момент не оказалось. Правда, деньги эти чудесным образом обнаружили даже в чрезмерном количестве, как только на месте бывшей пожарной каланчи решено было строить современный бизнес-центр. На привокзальной площади случилась другая беда: там необходимо было построить крупный торговый центр – подарок, обещанный лично губернатору, но строительству этого важного объекта мешала старинная железнодорожная казарма, которая, словно бельмо на глазу, торчала в самом центре площади. Местные краеведы вцепились в эту рухлядь просто железной хваткой, и Александру Николаевичу всё же пришлось скрепя сердце пойти им навстречу: он пообещал оставить от казармы часть кирпичной стены и вписать её в фасад будущего здания.

Так, с боями и в постоянном нервном напряжении мэр города продвигался к заветной цели, к своему взлелеянному в мечтах городу-саду, который стал уже постепенно приобретать формы и вырисовываться в общих чертах.

Грандиозная перестройка шла своим ходом, и муниципальные служащие уже без страха, а даже с азартом сопровождали мэра в его стремительных наездах на стройки, но мэру это казалось уже чем-то вполне заурядным. В пылу переустройства не заметили, как в городе снесли старую часовню и бывший дом городничего. Городской архитектор, поздно обнаружив эти потери, схватился за голову. Но дело было сделано, и скрыть снос уже не было никакой возможности. На очередном заседании у мэра архитектор Буганов, посыпав голову пеплом, покаялся в собственных просчётах и недосмотре, но тут же обрушил свой гнев на заезжих проектировщиков, обвинив их в попустительстве и наплевательском отношении к собственным служебным обязанностям. Александр Николаевич и тут проявил мудрость, обязав лично Буганова и проектное управление восстановить в кратчайшие сроки уничтоженные памятники. Но здесь же, на заседании, проштрафившиеся специалисты из Москвы доложили мэру, почему снос был необходим. Их доводы в корне изменили всё дело. Оказалось, что эти развалюхи угрожали соседним зданиям, и если бы их не снесли вовремя, то под угрозой оказалась бы целостность целого ряда старинных домов по соседству.

– Ну что же вы, Борис Егорович, сами себя в штрафники записали? – спросил мэр Буганова, который сидел ни жив ни мертв, ожидая громких административных решений.

Когда же грозовые тучи над головой архитектора чудесным образом рассеялись, он не преминул обратить это дело в шутку.

– Да как же, Александр Николаевич, я мог не поставить вас в известность об этом? Сами знаете – народ у нас грамотный, того и гляди митинг устроят в защиту старых кирпичей, – загудев приятным баритоном, ответил мэру архитектор, и вслед за ним всё заседание заулыбалось.

Мужчины по-дружески хлопали Бориса Егоровича по плечу, а Александр Николаевич, придя в прекрасное расположение духа, отдал распоряжение объявить приказом по управлению архитектуры и градостроительства благодарность лично Буганову и двум его заместителям.

С заседания все разошлись в отличном настроении. Мэр воодушевил всех своей смелостью и принципиальностью в важных для благоустройства города вопросах, и чиновничество ещё более решительно взялось облагораживать Клинич. У торговых рядов решено было вырубить старую липовую аллею и устроить на её месте так необходимую городу автостоянку. Дело было сделано буквально за три дня, так что клиничская краеведческая банда и опомниться не успела и долго после этого случая приходила в себя.

Мэр приказал Буденичу открыть новую рубрику, материалы которой должны были непредвзято освещать будущее города. Новый быт уже вошёл в каждую семью, и Игорь Семёнович только успевал подписывать в печать очерки и заметки о городских нововведениях.

Однажды город проснулся, и летнее радостное солнце осветило Клинич с изумлением, – лучи его ласкали уже не старые тёмные закоулки. Сверкали на солнце, словно пасхальные куличи, блестели яркими витринами супермаркеты, обложившие город со всех сторон.

Жители разбитых нищенских окраин города, оказавшиеся соседями торговых заведений, первое время любовались этой красотой. Нашлась, конечно, как всегда, горстка хулигателей, обозвавшая новые дворцы Клинича «сукинмаркетами», и дикий невоспитанный народ с восторгом подхватил это словцо.

В конце лета в город приехал губернатор. К его приезду готовились долго. Все необходимые меры предосторожности были предприняты загодя. В старом городе ликвидировали пивные шалманы, а их особенно злостным завсегдатаям предписано было вообще не появляться в городе во время визита губернатора; древние деревянные развалюхи, ещё кое-где сохранившиеся в центре, обнесли глухими заборами из свежих досок, лодочную станцию на берегу реки Лушки, которую по вечерам облюбовывали местные пьянчужки, закрыли на длительный ремонт. Клинич замер в ожидании высокого областного начальства.

Губернатор приурочил свой приезд к открытию торгового центра "Дарья", который распластал своё грузное кубическое тело на привокзальной площади, захватив почти всю её территорию. Поговаривали, что Александр Николаевич приготовил для своего высокопоставленного друга личный подарок, назвав открывшийся комплекс именем его супруги. Открытие "Дарьи" прошло с большой помпой. Губернатор выступил с вдохновенной речью, в которой назвал Клинич расцветшей розой столичной губернии.

Блестящая автомобильная кавалькада губернатора вихрем промчалась по центру города, нигде не останавливаясь, и свернула на федеральное шоссе. Клиничане обсуждали визит высокого гостя, гадая, какие же теперь ветры перемен подуют и чем это обернётся для них. Говорили, что дела в Клиниче теперь пойдут ещё успешнее. А Александр Николаевич довольно потирал руки: он добился неограниченного кредита области, который позволит ему воплотить все свои задумки в жизнь. Бюджетные вливания вскоре принесли свои плоды: мэр наконец-то начал давно задуманное дело, осуществление которого сулило лично ему славу на долгие десятилетия.

Вскоре сразу в пяти местах города начались подготовительные работы, о конечной цели которых горожане судили-рядили всю осень. На зиму всё остановилось, но весной работы продолжились, и затем наступил долгожданный финал: на месте прошлогодних раскопок друг за другом открылись городские фонтаны. Их гранитные бассейны и искусно устроенная подсветка предстали перед горожанами во всём своём великолепии. Но, как всегда, нашлись в стаде паршивые овцы, испортившие всё дело. Хулиганье втихомолку стало сыпать в фонтаны стиральный порошок и лить ещё какую-то бытовую химию, отчего эти сложные гидросооружения выходили из строя. К тому же дикие ватаги молодёжи устраивали в ночные часы пьяные гулянки у фонтанов, сопровождаемые битьём бутылок, запуском ракетниц и шутих, визгом, драками и прочими безобразиями. Жители перестали спать по ночам. А подростки совсем распоясались. По утрам дворники, матерясь на все лады, отгребали от фонтанов кучи битого стекла и мусора. Мэр отдал распоряжение патрулировать по ночам площади и скверы, но это оказалось пустой затеей, – то ли полиция плохо справлялась со своими обязанностями, то ли дерзкая молодёжь, видя приближающиеся наряды, успевала прятаться в близлежащих подъездах. Вскоре парадные этих домов своим запахом и видом стали напоминать общественные уборные. Жители взбунтовались и стали писать коллективные жалобы в администрацию с требованиями прекратить безобразие или же вовсе законсервировать фонтаны.

В городе прошла акция "Сделаем наш город садом", но она закончилась полным провалом по причине отсутствия элементарной совести и гражданского самосознания у молодёжи и деклассированных элементов, которые продолжали устраивать форменное свинство и пьяные разгулы. Терпению администрации пришёл конец, когда некто тёмной ночью вымазал краской дорогую кованую ограду фонтана в старом городе, сопроводив эту мазню надписями неприличного содержания в адрес мэра, а в бассейн вылив вонючую жидкость неизвестного происхождения. Поймать хулигана полиция не смогла. Телевизионщики, науськанные мэром, грозили всяческими карами вандалу.

Александр Николаевич в теленовостях призвал горожан к спокойствию и гражданскому единению. Он почувствовал, что авторитет его, прежде нерушимый, дал трещину. Тогда-то с административного олимпа и полетели головы некоторых чиновников, и карающий меч начальственного гнева не преминул острым своим краем коснуться несчастного начальника комбината благоустройства. Так Виктор Петрович в одночасье остался не у дел. В сердце он затаил злобу на своего бывшего патрона. Метнув в последний раз мстительный взгляд в сторону городской администрации, бравый подполковник сотворил в брючном кармане крепкую фигу, плюнул на помпезный парадный вход, а затем решительно зашагал прочь.

Заседание, на котором низвергли Виктора Петровича, шло между тем своим ходом. На повестке дня стоял очень важный вопрос: подготовка к торжественному празднованию Дня освобождения, который отмечался 15 декабря.

– Мы все должны не забывать, что эта дата на сегодняшний момент – самая важная для нас, – внушительно начал своё выступление Александр Николаевич. – Все необходимые мероприятия уже распланированы и утверждены. Будет торжественный сбор участников войны и тружеников тыла в Доме ветеранов, митинг и торжественное возложение венков на мемориале воинской славы, а затем общегородская минута молчания. Собрания пройдут во всех ветеранских организациях города. Все эти мероприятия мы не должны пустить на самотёк. Учтите, коллеги, – спрошу лично с каждого за подготовку города к этой знаменательной дате. Клинич должен блеснуть чистотой, и это ваша самая актуальная задача на сегодняшний день.

Проговорив ещё с полчаса о мелких деталях подготовки к празднику, мэр закончил совещание.

Незаметно прошла неделя. Теперь нужно было встретиться с Буденичем и Татьяной Викторовной, чтобы в приватной обстановке обсудить главную задачу предстоящего празднования – достойное освещение в СМИ этого общегородского мероприятия.

Первым делом он вызвал к себе Буденича.

Игорь Семёнович приехал к мэру незамедлительно. Александр Николаевич ждал его в кабинете, просматривая ежедневную почту. Мэр опытным взглядом сразу определил, что Буденич с поручением справился. Решив не затягивать надолго разговор с редактором, он спросил Игоря Семёновича сразу, как только тот зашёл в кабинет, готов ли праздничный номер.

– Всё в порядке, Александр Николаевич, – отрапортовал привычно Буденич. – Один только нюанс меня беспокоит.

– Что ещё за нюанс?

– Дело в том, видите ли, что интервью у подходящего ветерана мы взяли, но он согласен на его публикацию лишь при выполнении одного неперемного условия.

– Какого такого условия? Что вы вечно тянете kota за хвост, Игорь Семёнович? Говорите ясно и быстро, ведь у меня дел невпроворот с этим вашим праздником, – раздражённо выпалил Александр Николаевич в ответ на странное заявление редактора.

«С этим вашим праздником!» – про себя передразнил Игорь Семёнович безобразно беспардонные слова мэра.

Его в последнее время так и подмывало что-нибудь дерзкое предпринять в отношении градоначальника. Например, обозвать его вслух так, как он обычно называл мэра в душе.

– Александр Николаевич, ветеран пожелал личной встречи с вами. Мало того, он заявил, что непременно должен вместе с вами проехаться по местам наиболее яростных боев, произошедших на территории Клиничского района зимой 41-го года, – торжественно прибил хама Буденич.

Александр Николаевич, услышав это, застыл в своём удобном кресле, подобно Будде в нирване. В этом состоянии, впрочем, он пробыл недолго. Справившись с невольным оцепенением, мэр вначале побагровел, затем, облокотившись на стол, подпёр подбородок обеими руками и с полминуты в упор разглядывал Игоря Семёновича. Такой реакции мэра Буденич не ожидал.

Решив всё же завладеть инициативой, Игорь Семёнович спросил осторожно:

– Так что же нам предпринять в ответ на такое смелое заявление ветерана, Александр Николаевич?

– Как зовут ветерана?

– Максим Яковлевич Царёв, – с готовностью ответил редактор. – Подростком он видел освобождение города.

– И что же мне прикажете делать с этим активистом? Разъезжать с ним по району в поисках мест былых сражений, о которых он, скорее всего, толком и не знает ничего? Может, вас, Игорь Семёнович, усадить в моё кресло на время этой экскурсии? А то ведь район без руководства останется! Как думаете, справитесь?

Буденич в ответ деликатно промолчал. Он решил больше ничего этому болвану не говорить. Пусть сам находит решение и выкручивается, как может.

Александр Николаевич прекрасно знал, что этот тщеславный и хитрый писака, Буденич, лишнего шага больше не сделает. И ведь как повернул всё дело, подлец! Формально даже упрекнуть его не за что, – ведь он выполнил свою работу. Нечего сказать, заварил кашу, журналюга. Подавив в себе недовольство, Александр Николаевич стал лениво думать, как бы ему избежать общения со стариком-ветераном. Ничего в голову не приходило.

Он спросил:

– И никак нельзя уломать Максима Яковлевича отказаться от этой затеи?

– Никак, Александр Николаевич. Старик непреклонен в своём решении. Наш корреспондент ему битый час разъяснял, что это нереально сделать, а тот упёрся. Кричал: «Никакого интервью, если с уважаемым главой не организуете поездку!» А ещё добавил потом: если, мол, откажется мэр, так я в Москву напишу, как у нас ветеранов уважают. Представляете, что может из всего этого получиться?

Со всей ясностью мэр осознал, что отвертеться от столь нежеланной поездки с выжившим из ума стариком ему не удастся. И надо же было Буденичу связаться с ним! Теперь и виноватых не найдёшь, – сам дал задание этому борзописцу.

Александр Николаевич неприязненно отметил про себя, что наглец Буденич в весьма вальяжной позе развалился в кресле для посетителей, хотя мэр даже не приглашал его садиться. Постегань очень не любил такого рода двусмысленные намёки. Когда ему становилось ясно, что не он является полновластным хозяином положения и что гость его прекрасно это понимает, тогда менялось даже его физическое состояние: появлялась неприятная тяжесть в животе и груди, а тело противно слабело.

Но делать было нечего: Буденич действительно с нескрываемым удовольствием держал его за жабры.

Помолчав немного, Александр Николаевич со вздохом произнёс:

– Что же, Игорь Семёнович, надо пойти навстречу пожеланию уважаемого человека. Сегодня же сообщите Максиму Яковлевичу, что в самое ближайшее время я лично свяжусь с ним по телефону и договорюсь о дате такой важной для него поездки.

Когда редактор вышел из кабинета, Александр Николаевич отложил в сторону папку с почтой и достал из-под вороха документации, в художественном беспорядке разбросанной на журнальном столике у окна, свежий номер самой пасквильной газетёнки города. Называлась она "Патриотический вестник". Мэр знал, что это издание читает весь город, мало того – весь город знает, сколько дорогих авто и недвижимости в районе имеет как сам Александр Николаевич, так и его ближайшее окружение. Каким-то непостижимым образом все коммерческие операции Александра Николаевича, даже самым тщательным образом закамуфлированные, непременно становились известны пачкунам из "Патриотического вестника". Мэр со злостью пролистал непотребный еженедельник. На пятой странице он обнаружил фельетон, касавшийся работы ряда городских муниципальных служб. Мэр решил начать ознакомление с номером именно с фельетона. Он погрузился в чтение:

«Пятый микрорайон города, в котором на данный момент проживает около трети всего городского населения, без преувеличения, брошен властью на произвол судьбы. Складывается такое впечатление, что чиновничья рать во главе с ныне действующим мэром просто забыла о существовании этой самой густонаселённой территории Клинича. Пятый микрорайон попал в настоящую чёрную дыру, превратился в какую-то сталкерскую зону с огромным списком про-

блем, а городская власть, стыдливо потупив очи, делает вид, что и не догадывается о собственной управленческой несостоятельности.

О каких проблемах идёт речь? Их много, и осветить их в одной статье вряд ли удастся, но некоторые из них прямо-таки просятся на газетную полосу.

Социальная инфраструктура

Обсуждать этот вопрос сложно, учитывая тот факт, что инфраструктура в пятом микрорайоне пребывает в полудиком состоянии. Объектов пресловутого соцкультбыта (слово эпохи развитого социализма, но ничего лучше пока не придумали) здесь нет вовсе. Правда, есть один "объект" сугубо коммерческой направленности – то ли бильярдная, то ли игорный дом, внешним видом напоминающий торговый павильон. Расположен он на берегу пруда, в непосредственной близости от жилого дома, и постоянно облеплен легковушками посетителей. Раньше в этом домике был магазин, пользовавшийся популярностью, а о том, что сейчас в нём происходит, жители близлежащих домов осведомлены мало. Временами из этого заведения вываливаются помятые личности, видом совсем не напоминающие любителей тихих настольных игр, и в пьяном состоянии садятся за руль. Один такой "любитель" этой осенью угодил на автомобиле прямо в пруд. Машину его вытащили, а дело о незначительном правонарушении, видимо, замаяли, поскольку ныряльщик оказался то ли полицейским, то ли ещё каким-то властным чином. Народ это купание запомнил и оценил. Ещё бы. Такое ведь не каждый день увидишь.

Имеется ли в пятом микрорайоне хотя бы один объект социально-культурного назначения в муниципальном ведении? Может, и есть такой. Например, в чиновничьей отчётности, то есть на бумаге. И кто-то, быть может, даже зарплату получает за эту не видимую никому из жителей работу.

"Забота" о детях

Кроме детского садика, мест в котором хронически не хватает, чиновничья забота о детях микрорайона не выражена более ничем. Зато проявляют фантастическую активность в этом деле некие коммерческие структуры, которые от щедрот своих понатыкали детские площадки где ни попадя. Один такой "объект" облагородил район в прошлом году. Это же надо было додуматься – устроить детскую площадку в грязной луже, в трёх шагах от автозаправки, в непосредственной близости от движущегося автотранспорта! Такая "помощь" детям – это неминуемый путь к беде. Кто позволил этим горе-помощникам "заботиться" о детях подобным образом? Вопрос остаётся открытым.

Дороги

Ещё Н.В. Гоголь тонко подметил одну из самых замечательных особенностей менталитета русского человека, а именно страсть к быстрой езде, которая в нашем сознании неистребима. Беда, что страсть к быстрой езде и соблюдение скоростного режима – вещи несочетаемые, как думает начальство. Или так ему удобно думать. Вот и у чиновных людей Клинича эта мысль засела в головах. Но в борьбе за безопасность дорожного движения все средства хороши! Надумали чиновничьи светлые головы помочь автолюбителям пятого микрорайона и от большого, надо полагать, ума оснастили внутриквартальные проезды лежащими полицейскими. Да не абы как их положили, а именно в местах наибольшей опасности, то есть по краям многочисленных луж. Чтобы, значит, какой-нибудь нездешний автолюбитель в пору очередного внесезонного разлива не утопил ненароком своё авто во враждебных водах.

Особые слова благодарности хочется сказать в связи с появлением новых автобусных павильонов, которые ни от ветра, ни от дождя не защищают, зато легки и миниатюрны, так что в часы пик не вмещают и половины стоящего на остановках народа. Интересно, сколько денег вбухано в этот креативный проект и кто его автор? И надо полагать, что отсутствие одного бокового стекла в кабинках – это особый творческий ход, так сказать, творческая задумка проектировщиков? Глубина дизайнерской мысли так потрясла клиничан, что некоторые из них называют эти остановки одним нехорошим, плохо пахнущим словом. Напечатать его автор не решился. Его и так все знают.

Почта

Многого, к чему привыкли горожане, живущие, например, в центре Клинича, нет в пятом микрорайоне. Нет ни досуговых центров, ни кинозалов, ни мало-мальски приличной библиотеки, ни фитнес-клубов, пусть даже коммерческих, ни стадионов, ни бассейнов, ни творческих клубов, ни дома быта, ни отделения сбербанка, чего там – даже захудалой бани нет, так что во время ежегодного отключения горячей воды жители района изворачиваются как могут: кто воду в тазиках и ведрах подогревает, а кто к родственникам на помывку ездит. Впечатление, что городская власть плюнула на них, у жителей района сложилось стойкое. Как бы не случилось обратного в скором времени, – вот чего на самом деле должна опасаться городская администрация.

В Пятом, в подъезде многоэтажки, имеется трогательное в своей убогости почтовое отделение, в которое войти боязно. Описывать его красоты смысла не имеет. По нему службе санэпиднадзора, а также пожарникам и другим ведомствам впору экскурсии устраивать. Только представители этих служб на почту в дом № 66 вряд ли заходят. У них есть дела поважнее.

Молчи, грусть, молчи

Как часто слышим мы в эфире охи и ахи репортёрской команды местной телекомпании, раздающиеся по поводу неописуемых красот центральных районов Клинича, его фонтанов и скверов, его отремонтированных жилых кварталов! А если случается, что подгулявшая молодёжь устраивает в каком-нибудь фонтане отделение химчистки, а около него несанкционированную закусочную, то тогда негодованию журналистской братии просто нет предела. А знаете, господа журналисты, что хочется сказать вам в ответ на ваш ханжеский вой? Ответ очень прост: наша молодёжь берёт пример с тех, кого вы защищаете, то есть с руководителей города.

Будет ли молодой человек, который изо дня в день видит грязный подъезд родной многоэтажки, разбитую дорогу у дома, неубранную помойку под окнами, двор, заставленный автомобилями, уважать городскую власть? И достойна ли такая власть уважения? Ведь именно она, эта власть, придумала такой гениальный способ пополнения казны, как взимание платы за уборку придомовой территории, лифт и освещение с квадратного метра, а не с самого человека. И куда, в какую чёрную дыру уходят эти немалые деньги? Это ныне существующая в Клиниче власть превратила пятый микрорайон в одну сплошную помойку и автопарк под открытым небом, а ещё нагло кичится своими "успехами" в деле освоения бюджетных средств. Где оно, обещанное городской администрацией благоустройство пятого микрорайона? На дне пруда, который начал зарастать прежде, чем его закончили чистить? Отвечать на эти вопросы наша администрация не будет. Кому же охота изобличать самого себя!»

Прочитав статью, Александр Николаевич первым делом нецензурно выругался в адрес автора, некоей Корельской. К мерзкому пасквилю под красноречивым названием «В цейтноте»

прилагалось несколько фотопейзажей с видами переполненной помойки, разбитых дорог и тротуаров, а также стаи голодных бродячих псов на детской площадке.

Мэр давно привык, что «Патриотический вестник» с маниакальной настойчивостью копается в его исподнем. Но делалось это как-то вяло и нудно. С появлением фельетонов этой Корельской народ словно сошёл с ума: весь тираж расходился за считанные часы. Надо было что-то срочно предпринимать, но что? Если бы знать, кто такая эта Корельская. Да как узнаешь? «Ну да ладно, чёрт с ней, с ведьмой этой, – подумал мэр. – Потом я с этим разберусь. А сейчас самое важное – ветеран». Александр Николаевич вздохнул и принялся набирать номер старика Царёва.

Глава третья. Неожиданные новости

На окраине Клинича, в уютном домике, крытом ещё довоенной дранкой, жила с дочкой и стариками родителями Светлана Викторовна Куршакова, корректор районной газеты. Она любила возвращаться домой пешком, благо было не очень долго идти. Холодный ноябрьский вечер тихо опускался на город, уже припорошенный первыми снегопадами, но всё равно было как-то неуютно, – то ли оттого, что погода ещё не устоялась, то ли от сумасшедшего и какого-то глупого дня, проведённого в редакции. Всё бы ничего, но Светлану Викторовну раздражала суэта сотрудников, бегавших к ней за советом, то и дело отрывая от правки и глухо раздражая очевидной грамматической тупостью.

С одной стороны наступал на неё Шитов. Принёс ей изумительную абракадабру о деятельности инвесторов в Клиниче. Русские буквы в страхе убежали от автора, освободив место латинице и ещё странным каким-то сочетаниям на европейских языках, среди которых на правах бедного родственника помещалась русская речь.

– А иностранцы, особенно англичане, так и шастают по Клиничу, так и шастают! – попробовала пошутить Светлана Викторовна, но Шитов её не понял. Он переминался с ноги на ногу, шумно сопел и требовал внести минимум правки, упирая на то, что город захлестнули западные инвестиции.

Отбившись кое-как от англомана, Светлана Викторовна приступила к рукописи Сергея Ивановича, который с компьютерными технологиями, даже самыми примитивными, был на «вы», писал замысловато, к тому же мелко и со множеством сносок. Он, наоборот, радел за исконность и чистоту родной речи, что больше раздражало, чем шитовские наскоки. Сергей Иванович полагал, что русский язык окружили недруги, из ненависти унавозившие его словесными отбросами. Светлана Викторовна пробовала иногда и с ним дискутировать, разъясняя, что иноязычные интервенции существовали в языке всегда и что они больше полезны, чем вредны. «Я не понимаю, Светлана Викторовна, – негодовал Сергей Иванович, – вы что же, полагаете, что наш язык выгребная яма?! И куда это делись слова, которые были известны нашим предкам? Я слушаю новости и ничего не понимаю». – «Представьте себе, и я многого не понимаю, – отвечала обычно Светлана Викторовна. – Ну и что? Нельзя же запретить интернет. Зачем вы так волнуетесь? Да освоите хотя бы вордовские программы, ведь это несложно. Польза будет и вам, и мне». Сергей Иванович, понимая, к чему клонит и на что намекает язвительная корректорша, убежал из кабинета.

Оба они – и Шитов, и Сергей Иванович – настолько гениально были одарены, каждый по-своему, что Светлана Викторовна в конце концов перестала с ними спорить.

«И откуда только они взялись на мою голову, все эти академики словесности, пыльным мешком прибитые, – с раздражением думала она, вспоминая сегодняшний случай, когда Лариса Дмитриевна спросила у неё, можно ли работников клуба назвать клубниками. – Да называй ты их как хочешь, только отстань от меня!» Вслух она ответила, что такой вариант не характерен для русского словообразования, а для верности показала сомневающейся Ларисе

Дмитриевне толковый словарь. Но та всё же осталась при своём мнении. Светлана Викторовна, спровадив её, облегчённо выдохнула. Боже мой, и так каждый день!

С такими мыслями подходила она к своему старенькому дому под сенью клёнов и тонких рябин, склонившихся под грузом красных гроздьев на концах ветвей к самым окнам. Дома уже ждали её, и начищенный до блеска чайник свистел на плите, и дочка тащила за лапу плюшевого мишку, выбежав в коридор, как только услышала звук открывающейся двери.

Перед ужином Светлана Викторовна выкинула из головы всё ненужное и бессмысленное, всё то, что окружало её в редакции. Но одна новость серьёзно заинтересовала её: готовится выпуск к Дню освобождения города, и вроде бы Буденич уже подготовил очерк про ветерана, видевшего наступление советских дивизий и бегство немцев. «Интересно, где они его нашли?» – думала Светлана Викторовна.

Столько лет не было сведений об оставшихся в живых ветеранах-клиничанах, и вот на тебе! На днях она встретится с Ливановым, редактором «Патриотического вестника», и расскажет ему об этом. Светлана Викторовна отлично знала, что Буденич и Ливанов симпатизируют друг другу, хотя на людях этого не показывают. Они университетские товарищи, к тому же оба мэра недолюбливают. И в общем-то нечего им делить. Марк Ливанов после окончания университета приехал в Клинич, поселился в деревенском доме на берегу местной сонной речушки и поначалу зажил размеренной жизнью сельского барина. Но жизнь, подобная постной каше, вскоре ему опостылела. Он с несколькими закадычными друзьями и при поддержке известного в городе предпринимателя основал газету.

Как-то Светлана Викторовна спросила его шутки ради:

– Марк, а почему такое совсем не оппозиционное название – «Патриотический вестник»? Марк не растерялся. Хитро прищутив глаза, ответил в тон её вопросу:

– А это конспирация, дорогая моя. Почему вы выбрали такой псевдоним, я, между прочим, тоже давно хотел спросить вас.

Светлана Викторовна в ответ рассмеялась. Ну и хитрец этот Ливанов!

– У меня сестра живёт в Карелии, вот я и остановилась на фамилии Корельская. А что, красиво звучит.

– Да, красиво звучит. К тому же вас в городе читают, уж поверьте мне. Как это вам удастся совмещать несовместимое? Днём вы в редакции, а вечером – подпольщик, прости господи.

Светлана Викторовна в ответ только плечами пожала. К славе оппозиционера она совсем не тянулась. Это было своего рода развлечением в её совсем не наполненной авантюрами жизни.

Она улыбнулась, вспомнив этот давний разговор. Опять пошёл снег, и на улице всё окончательно стихло, даже лая собак не было слышно. Клинич погружался в сон, и горожане, засыпая, думали, что наконец-то придут в город первые настоящие морозы и чистый снег, что слякоть больше не посмеет вернуться и воцарится везде красота, которую все ждали с нетерпением.

А утром в город действительно пришла настоящая зима. Торжественно чисто и бело стало вокруг. Взрослые, уставшие от ноябрьской распутицы и противного ветра, улыбались, а мальчишки с радостными воплями протапывали в сугробах дорожки, предвкушая весёлое катание.

В это утро Игорь Семёнович поехал не на службу, а к Максиму Яковлевичу. У дома, в котором жил ветеран, редактора должны были ожидать Александр Николаевич и видеооператор. Они договорились поехать вместе, в одной машине, чтобы по дороге не отстать друг от друга. Когда старик вышел из подъезда, Буденич с удивлением отметил, что тот вовсе не развалина, какой представлял он старика в мыслях. К ним подошёл подтянутый седой человек со строгим лицом, одетый в теплую пуховую куртку. Сев в служебную «газель», в которой грелось начальство, Максим Яковлевич поздоровался со всеми за руку и хорошо поставленным

голосом поинтересовался у мэра, не замело ли в районе дороги. Он хотел показать уважаемому руководству, в каких местах района шли наиболее ожесточённые бои. Выдержав паузу, ещё добавил, что мальчишкой видел, в каком месте двое мужичков-колхозников по приказу немцев вырыли большую братскую могилу и похоронили в ней наших бойцов.

После слов старика в машине установилась тишина. Мэр смотрел на Максима Яковлевича круглыми глазами, осмысливая сказанное, а Буденич и оператор замерли, как будто услышали гром небесный.

Спустя минуту-другую заговорил Александр Николаевич:

– Максим Яковлевич, дорогой, что же вы молчали все эти годы? Ведь лет-то сколько прошло! Ведь какое это событие, если подтвердится, вы понимаете?!

Старик как-то грустно усмехнулся в ответ. Ему было что сказать этим людям, но для этого пришлось бы ему рассказать очень многое из своей жизни. А он всегда считал, что это лишнее, что его личные переживания не касаются никого, кроме него самого. Да и что они могут знать о войне, эти сытые, уверенные в себе и довольно молодые ещё люди?

Он думал, что ответить мэру, и ответ пришёл по-житейски простой и понятный спрашивавшему:

– В войну немец деревню нашу пожёг. Ничего не осталось, одни трубы печные торчали из земли, как кресты на погосте. Сначала хоронились мы в лесу, а как немца прогнали, вырыли землянки, в них и жили. Выкапывали в поле мёрзлую картошку, ещё ходили в лес и ставили силки. Почему, спросите, немцы решили наших похоронить? Потому что сами в нашей деревне жили, а заразы они боялись больше, чем партизан. Один офицерик всё ходил, руки спиртом протирал, чтобы, значит, не подцепить чего-нибудь. Я тогда матери-покойнице сказал, в каком месте солдаты лежат. На этом месте мы сосенки посадили, чтобы колхоз могилку к своим огородам не прирезал, а то ведь такие случаи бывали, я знаю. Почему, спросите вы, я руководству ничего не доложил? А до того ли было после войны? Я в город поехал работать, а если бы остался, то с голодухи помер бы, как две моих сестрёнки. Ну, потом женился, двух девочек жена мне родила. Всё шутила: это, мол, бог тебе дал взамен твоих сестёр. А может, и так.

Максим Яковлевич замолчал. Он вспомнил, как в далёком послевоенном году он и сестра Лида ходили по ночам на колхозное поле за картошкой. За это, если бы заметили, всей семье дали бы большие сроки, а могли и просто убить. Но выбора у них никакого не было, – в любом случае в гроб. И вот в особенно голодную весну он тайком, хоронясь от всех, ушёл из деревни, чтобы хоть как-то прокормиться в городе. Но в районном центре на работу его не брали. В кадрах объясняли, что много таких партизан к ним прибежало из деревень. Специальности ни у кого нет, жилья нет, так что катись ты, парень, туда, откуда пришёл. И не морочь нам голову, а то в органы заявим. И пришлось ему, пареньку пятнадцати лет, завербоваться в далёкий северный город на шахту. Там было нечеловечески тяжело жить, но дали ему место в общежитии и паёк, так что он выжил, дождался полёта Гагарина и вернулся в родные края.

Прошли годы, и Максим Яковлевич с семьёй обосновался в Клиниче. Прошлое не забылось, но он старался не вспоминать голодные свои детство и юность. Семья, взросление дочерей подарили ему наконец душевное равновесие и заглушили боль утрат, отодвинули куда-то в самую глубину души всё то, что чувствовало его детское сердце и что невозможно было забыть. Звонок Аллы Геннадьевны перевернул всего его. Он понял, что надо сделать то, о чём молчал все эти годы, – но не для себя, не для своей нынешней земной жизни, а для души, которая требовала этого с глухим постоянством и которую нельзя было заставить замолчать.

Неловкую тишину прервал вопрос Буденича. Он спросил старика:

– Максим Яковлевич, верно ли я понимаю, что захоронение находится в нашем районе? И ещё – ведь прошло столько времени, это место могло измениться. Сами понимаете, что ничего постоянного нет. Вы помните какие-то особые приметы могилы?

– Конечно, помню, что вы! Ведь разве можно такое забыть? Я потом ночью на это место лапник притащил и камнями его придавил. Маленький был, а сообразил, что надо делать.

Александр Николаевич, до этого находившийся в прострации, пробудился. «А я ещё не хотел встречаться со стариком! Ну и дурак же я! Это событие выдвинет нас на первое место в области, к гадалке не ходи», – подумал он.

Волна восторга и решимости охватила его, и он с благодарностью, в этот момент искренней и совершенно не требовавшей ничего взамен, потянулся к старику и обнял его. Ничего подобного на людях Александр Николаевич не делал никогда, и вся компания в машине притихла, осознав важность момента.

– Деревня, в которой вы жили, как называется, Максим Яковлевич? – спросил он старика.

– Усолье называлась деревенька наша. Красивая была деревня. На берегу озера стояла, а кругом сосновый бор. Было около сорока дворов, и хозяйства у всех были крепкие, настоящие крестьянские. Мы хорошо жили. Помню, на горе была деревянная церковь. Кажется, храм Георгия Победоносца. Когда батюшку в 37-м забрали, церковь сначала заколотили, а потом нашему председателю велели в ней зернохранилище устроить. Ну а после, как немцу пришлось удирать, он и её пожёг.

Александр Николаевич задумался. Странно, ведь он знал все сельские поселения в районе, а про деревню с таким названием ничего не слышал. Может быть, и не в его районе она находится?

Он почувствовал, как сильнее застучало его сердце, но взял себя в руки и продолжил разговор:

– Максим Яковлевич, а после вы бывали в деревне? Я к тому спрашиваю, что никакого Усолья сейчас в районе нет.

– Да быть-то был, ведь там родители и сёстры на погосте лежат. Но ничего там не осталось. Мы до сорок седьмого года в землянках жили, колхоз лес рубить на избы не давал, да и некому было строить, всех мужиков война извела. А потом и вовсе это место колхоз забросил. Так что моя родина вроде как исчезла вовсе. Помню, мальчишкой я в лес с отцом ходил. Ягод, грибов, всякой живности было видимо-невидимо. Мужики – те, кто посмелее, – кабаньи лёжки примечали, даже на лося ходили. Хорошо было до войны.

– Ну что же, поедем искать вашу деревню, Максим Яковлевич.

– Искать её не придётся, ничего тут сложного нет. Озеро, на котором она стояла, наши мужики Бобрами окрестили. Там бобровых хаток было много. А потом зверь ушёл почему-то, не стал после фашиста жить.

«Бобры какие-то, – подумал Александр Николаевич. – Выдумывает старик, не иначе. Откуда им взяться в нашем районе, бобрам этим? Я здесь уже много лет живу, о бобрах бы знал». Впрочем, мэр, не отягощённый подробными сведениями о местной фауне, мог и ошибаться.

Конечно, он любил природу. Заводи на родной Кубани, особо шумные весной, он любил посещать с ружьём, устраиваясь иногда на ночлег в прибрежных зарослях. Охота влекла его больше всего на свете. Обосновавшись на севере, он понял, что и здесь она не хуже. Но были нюансы, связанные с его положением и не позволявшие широко афишировать эту страсть. К тому же лес, так любимый им, доставлял иногда волнения и неприятности. Лет пять тому назад к нему обратился директор районного лесничества с просьбой выделить трактор для опашки угодий, но мэр только отмахнулся от него, как от назойливой мухи. «У вас есть два трактора в хозяйстве, Олег Павлович! Вот ими и обходитесь. А у меня лишней техники нет», – заявил он бестолковому директору. И в самом деле, почему он должен за всех думать? Этот болван сидит на лесе, у него в руках, можно сказать, все рычаги лесной берендеевой власти, а он ходит к начальству и кланчит милостыню!

Мэр нахмурился, вспомнив этот неприятный разговор. Конечно, надо взять под особый контроль вопросы природопользования, а то не только бобры убегут из района, но ещё кабаны и лоси. Тогда точно беда случится. Охоту на крупного зверя он уважал и знал её особенности почти досконально. Безусловно, жалко, что времени на это великолепное занятие у него практически не оставалось, и те редкие дни, когда выдавался случай поохотиться с друзьями, он вспоминал потом с особенным душевным подъёмом.

Поговорив ещё минут пять, решили отправляться в путь. Павел вывел «газель» на шоссе плавно и аккуратно, и они поехали по улицам Клинича, в это утро чистым и опрятным, как будто сама природа желала этой поездки и приготовилась к ней заранее, накрыв скверы и площади белым пушистым покрывалом. Александр Николаевич вглядывался в лица прохожих, смотрел на игры детей, на всё, что происходило в городе, и понимал, как много нужно ещё сделать, чтобы эта прекрасная жизнь продолжалась и дальше, чтобы не прерывалась связь поколений, чтобы судьбы людей не зависели от случая, а подчинялись только хорошей и разумной какой-то цели. Он осознал, что сама судьба преподнесла ему надежду, и её он должен воплотить в жизнь наперекор всему.

Он особо не надеялся на поисковые таланты Максима Яковлевича, поэтому по дороге осторожно спрашивал его, на какие второстепенные грунтовки лучше сворачивать. Но район старик и сам знал хорошо, в чём мэр вскоре убедился. Размышлял он и о том, что искать могилу, если старик сразу не укажет место, будет сложно. Если затянется дело, то и поиски по весне ничего не дадут. Особых примет, скорее всего, уже нет, к тому же в районе уже бывали случаи подтопления берегов озёр и речушек – из-за обильных паводков, нередких в этих краях. Вот это будет самым неприятным сюрпризом и может испортить всё дело.

Вдруг Александра Николаевича словно током ударило. Старик сказал, что надо свернуть с шоссе на разбитую дорогу, ведущую к его лесному дому. Мэр расстегнул воротник, словно ему не хватало воздуха, и жестом приказал Павлу остановиться. Все в первое мгновение недоумённо уставились на него.

– Что с вами, Александр Николаевич? Паша, да открой ты окно! Александр Николаевич, держитесь! Сейчас скорую вызовем! – заорал побледневший Буденич, суетливыми движениями доставая сотовый из кармана.

Мэр привстал с сиденья, поглядел на взволнованного редактора и, немного успокоившись, низким своим баском прогудел:

– Да прекратите вы голосить, Игорь Семёнович! Со мною всё нормально. Максим Яковлевич, вы уверены, что мы правильно едем?

Старик в ответ только затряс головой. Он подумал, что Александр Николаевич вполне разделяет его чувства, оттого чуть и не упал в обморок. Но волноваться не было никаких причин. Сотни раз в детстве он ходил по этой дороге к ближайшему сельмагу, мог пройти по ней с завязанными глазами. Ну конечно, здесь, в километре от правления колхоза «Путь Ильича», и была его родная деревня, исчезнувшая, как выяснилось теперь, не только с истерзанной войной земли, но и из документов. Он весь сжался, одолеваемый тяжёлыми мыслями о времени, которое не пощадило ничего – ни памяти людской, ни жизни, и только мысль о деле, которое он должен был исполнить, придала ему силы и не позволила сомневаться.

– Да здесь она была, Александр Николаевич. Не сомневайтесь! Сейчас подъедем к озеру, а там, на левом берегу, синего цвета камень-валун у старых сосен. Его ещё до войны наш председатель хотел выкопать и привезти к правлению. Мужики ему говорили: «Ты что, Иваныч, хочешь памятник себе соорудить, что ли?» Шутили, значит. Он вроде с придурью был, наш председатель. Война ему помешала, а то приволок бы валун.

В машине все рассмеялись. Оператор, чтобы разрядить обстановку, стал рассказывать о местных краеведах, которые в прошлое воскресенье устроили шабаш у старых развалин в торговых рядах.

– Что им нужно было там, Сережа? – спросил Александр Николаевич.

– Да понимаете, один какой-то чокнутый их активист занимается археологическими раскопками в старом городе. Откопал он там ржавую железяку вроде старинного амбарного замка. Полез в интернет и вычитал, что такие же по форме замки, датированные тринадцатым веком, находили при раскопках в Замоскворечье. Рассказал всё своей шайке, а те шум подняли: выходит, что сейчас нужно пересматривать дату основания города. Вот так.

Анекдот пришёлся кстати. Компания подъехала к озеру, ожидая, что скоро всё удачно разрешится. Все, включая Максима Яковлевича, обсуждали предстоявшие важные дни для города, и только Буденич, что-то смутно подозревая, молча наблюдал за мэром. А Александр Николаевич, взяв старика под руку, повёл всех остальных по берегу вслед за собой.

Неожиданно погода испортилась. Солнце скрылось, разом стало серо вокруг, и вместо лёгкого крепкого снега посыпались на землю мокрые хлопья, скользившие под ногами. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» – пробурчал недовольно Буденич, плетясь в конце процессии. Он видел, как Александр Николаевич пару раз взглянул на свой дом, и сомнения только укрепились в его душе.

Уже битый час они обходили озеро, но Максим Яковлевич, вглядываясь в прибрежные сосны, только отрицательно покачивал головой в ответ на вопросы мэра. Всё перепуталось в его голове. Вместо молодых деревьев он видел высоких исполинов, и всё вокруг ему казалось огромным, как будто не здесь в детстве он бегал с ватагой мальчишек, собирая шишки для костра и лихо скатываясь с прибрежных холмов прямо в воду. Он совершенно сник. Добравшись до первого крупного валуна, он обнаружил, что тот весь оброс лишайником, так что не было никакой возможности узнать теперь, тот ли это был камень. Что же делать? Старик беспомощно озирался вокруг.

Оценив ситуацию, первым пришёл ему на выручку Александр Николаевич. Он положил руку на плечо старика, прижал его к себе, словно маленького испуганного ребёнка, и так стояли они молча, не позволяя себе говорить о чём-то пустом и ненужном. В город они возвратились в полном молчании. Начальство занялось своими делами, думая с неудовольствием, что утро потрачено впустую.

Глава четвёртая. Тайные встречи

Приехав в редакцию, Игорь Семёнович уединился в своём кабинете, чтобы в относительной тишине подумать, кому бы доверить окончательную редакцию праздничной полосы о ветеранах. Думал он недолго: все его штатные журналисты отпадали, и он решил вызвать к себе Светлану Викторовну.

– Светлана Викторовна, у вас большой корректорский и редакторский опыт, отдаю вам должное. Вы ведь и статьи пишете, выручаете нас иногда. А что бы мы делали, если бы вы не отвечали на письма трудящихся? Да и в остальном, честно говоря, только на вас и могу положиться. Нужна ваша помощь в подготовке материалов к празднику. Вы знаете, о чём речь.

Светлана Викторовна усмехнулась про себя. Вот лис хитрый, нечего сказать! Как надо что-нибудь, так хвостом метёт так, будто с ним родился.

– А в чём дело, Игорь Семёнович? Ведь у вас одних праздничных поздравлений целая куча. А потом, у вас уже полгода лежит краеведческий материал военной тематики. Мало этого, что ли?

– Вот-вот, краеведческий материал, Светлана Викторовна! – оседлал с ходу тему Буденич. Перестроился на лету, не дав ей опомниться. – Но, скажу вам по секрету, этого мало. Дело ведь не в нехватке материала. Нам сейчас, как никогда прежде, нужен живой материал. Ветеранов в Клиниче осталось мало. Но они есть! Сегодня утром я и сам мэр встретились с одним ветераном, который располагал, как выяснилось, важными для всего нашего города све-

дениями. К сожалению, возраст и всё пережитое помешали ему вспомнить место захоронения наших погибших героев, но ведь сам факт подвига остался! Вот о чём прошу я вас написать. Вы это сделаете прекрасно, я не сомневаюсь.

Светлана Викторовна слушала шефа с интересом. Безусловно, Буденич в этом вопросе прав. Читатель не проявит интереса к материалу, в котором не будет живых воспоминаний.

Но один вопрос сразу возник у неё, и она, немного помявшись, спросила напрямую:

– Игорь Семёнович, вы сказали, что мэр лично встретился с ветераном. Понимаю, что это была инициатива самого ветерана. Но почему Александр Николаевич проявляет такой интерес к газетной публикации, пусть и не рядовой по значению?

– У нашего мэра, вы знаете, весьма чёткая гражданская позиция в вопросах патриотического воспитания молодёжи. Можем ли мы не поддержать его в данном случае? – ответил Буденич.

Он не ожидал такой прыти от неё, сразу предположив, что ушлая Светлана Викторовна скрывала от него свою осведомлённость. Да про задумки мэра откуда она знает?

Он решил переубедить её:

– Опять, опять вы, Светлана Викторовна, не так всё поняли! Уверяю вас, что Александр Николаевич не настолько глубоко влезает в редакционный процесс, чтобы ещё и диктовать мне, о ком писать. Очерк о ветеране – моя личная инициатива.

Заканчивая разговор, он дал ей адрес и телефон Максима Яковлевича, не обязывая её, впрочем, встречаться с ним лично.

Весь скучный день Светлана Викторовна обдумывала разговор с Буденичем. Всё, что могло побудить редактора обратиться к ней, не давало ей ясного объяснения. Уже дома она решила позвонить Марку. Они договорились встретиться в ближайшую субботу, и Марк тут же обзвонил знакомых краеведов, которые могли пролить свет на эту несколько загадочную ситуацию.

В назначенный день и час Светлана Викторовна сидела в уютной гостиной загородного дома Марка. Хозяин рассказывал собравшимся о ближайших публикациях «Патриотического вестника». Среди гостей она увидела незнакомое лицо и поинтересовалась, кто этот человек.

Марк представил его:

– Уважаемые коллеги, наше скромное собрание сегодня посетил новый наш единомышленник, Виктор Петрович Сташин. До недавнего времени Виктор Петрович работал в администрации и хорошо знал нашего мэра. Я думаю, что Виктор Петрович примет самое активное участие в жизни нашего общества, тем более что он отлично знаком с методами работы Александра Николаевича.

Люди, сидевшие за старым обеденным столом, рассмеялись. Всем было понятно, о каких "методах" говорил Марк. Эта общая осведомлённость несколько покорила Виктора Петровича. Он-то думал, что в городе знают немного о войнах в администрации. Как оказалось, он заблуждался на этот счёт.

Марк продолжал:

– Итак, сегодня мы обсудим вопросы, от решения которых зависит судьба нескольких памятников культурного наследия в городе. Первый в списке – дом изобретателя Усагина на улице Ленина, недалеко от городских бань Юма. Вы все знаете, что наши власти сотворили с ним. В нём поселились бомжи, которые чуть его не спалили. Там, помимо бродяг, собиралась ещё местная шпана. Она устроила, не побоюсь этого сказать, форменное свинство. Унесли из дома всё, что можно было унести, даже изразцовую печь разобрали. Милиция, простите, полиция, выкурила их оттуда по сигналу жителей, да толку от этого было мало. Они сняли с петель заколоченную дверь и устроили на втором этаже шабаш. Ну, а после вы знаете, что случилось. То, что не успела сделать шпана, сделала наша администрация. Несколько раз дом странным образом начинал гореть, причём случалось это всегда ночью. Жители из дома по

соседству стали караулить поджигателей по ночам, но никого не поймали. Но, будьте уверены, власти доведут когда-нибудь начатое до конца.

– У меня вопрос к вам, Марк, – спросил Андрей Головин, молодой человек двадцати с небольшим лет, учившийся в столице в историко-архивном институте. – Знают ли наши пироманы вообще, кто жил в этом доме?

Марк улыбнулся.

– Ваш вопрос, Андрей, насколько я понимаю, носит риторический характер, и вы сами знаете ответ. Ничего наш мэр, прости господи, про этот дом и его прежних обитателей не знает. Первостепенная задача Александра Николаевича заключается в том, чтобы увековечить память о себе в фонтанах, которыми он утыкал весь город.

Всех развеселил ответ Марка. Виктор Петрович в волнении встал и заходил по комнате, и гости притихли, ожидая и от него какой-нибудь острой реплики.

Он сел, глубоко вздохнул, окинув взглядом своих новых товарищей, и сказал то, о чём думал всё время с момента своего увольнения:

– Знаете, друзья, я всегда считал себя неглупым человеком, несмотря на то, что в жизни сделал немало обидных глупостей. Я ведь доверял Александру Николаевичу, работал на износ, иногда в ущерб собственному самолюбию. И что же в итоге? Он меня, заслуженного офицера, размазал, как мальчишку. Да, да, именно так! Кто виноват, что в его фонтаны люди плюют? Нашёл крайнего. А ведь у меня благодарностей от командования больше, чем он лет прожил. Должна быть хоть какая-то справедливость на свете, не так ли?

Марк решил разрядить обстановку и пошутил:

– Виктор Петрович! Нет правды на земле, но нет её и выше. Давайте думать не о том, как насолить мэру, а как исправить положение. Я думаю, что дом Усагина надо внести в наш охранный список. Этот список Андрей отправит в областное министерство, а там уже вопросом должна заняться Москва. Лично для меня историю этого дома открыл весьма известный в городе краевед, которого сейчас нет с нами. Наша задача сейчас, пока дом окончательно не растащили, поставить в известность министерство культуры. А следующий наш адрес – Первомайская, дом двадцать шесть. Все в курсе?

В курсе были все, и Марк продолжил:

– В этом доме жильцы последнего этажа в скором времени рискуют упасть на голову соседям. Но это совсем не смешно! – возвысил он голос, увидев, что гости покатались со смеху. – Да, друзья, я могу рассказать тем, кто не в курсе, один анекдот, который сейчас ходит по городу. Дело в том, что всем нам известный местный деятель и по совместительству начальник управления культуры, госпожа Манская, недавно произвела в администрации настоящий фурор. Александр Николаевич поручил ей составить список клиничан – Героев Советского Союза, которые в разные годы жили в городе. Наша культурная предводительница, не забывая себе голову, сдула этот список в каком-то старом номере районной газеты. В списке оказалось шестнадцать фамилий. А фамилии Виктора Марцелова, легендарного лётчика войны, в нём не оказалось. Вот так. Когда мэру принесли список, некий доброхот из администрации подсказал ему семнадцатую фамилию, при этом добавив от себя, что не стоило поручать такое важное, можно сказать, политическое дело этой непроходимой дуре. А список-то уже ушёл в Москву! Как орал наш мэр на Манскую, слышали на всех трёх этажах администрации. Александр Николаевич орал, а Манская мямлила в ответ, что если бы она включила лётчика в список, то пришлось бы делать капитальный ремонт в доме, где он жил перед войной. Представляете, она думала, что помогает администрации. Вот до какого маразма дошли наши власти. А дом, в котором жил наш прославленный герой, известен всем клиничанам. Его адрес – улица Первомайская, дом двадцать шесть. Кстати, тогда, перед войной, в нём не было коммуналок. Каждой семье давали отдельную квартиру. Но дело на этом не закончилось, уважаемые коллеги! Представьте себе, что жильцы злополучного дома, устав от того, что управляющая компания кормит

их одними обещаниями, устроили недавно общее собрание. На повестке дня стоял вопрос: кто, в конце концов, возьмётся за капитальный ремонт. Один многоуважаемый ветеран заявил, что в дни оккупации в доме квартировали офицеры Вермахта. Да, да, я проверил эту информацию, это действительно было так. Перед вторжением немцы произвели аэросъёмку города и определили, какие дома пригодны для проживания. Их не бомбили. Так вот, ветеран предложил следующее: раз в войну немцы пользовались жильём, за квартиры не платили, то пусть теперь канцлер Германии поможет им с ремонтом в качестве компенсации. Каково, а? Жители сначала посмеялись, как водится, а затем проголосовали за эту инициативу единогласно. Теперь всерьёз собираются писать письмо Меркель. Я хочу, коллеги, чтобы вы поняли: это и в самом деле может случиться. Но мы ведь не мелкие борзописцы, чтобы радоваться этому. Я не желаю такого позора. Будьте уверены: найдутся в нашем Отечестве мастера пера, которые раздуют это дело до небес, лишь бы попиариться. Мы должны срочно что-то предпринять.

В гостиной сначала воцарилась тишина, а затем гости наперебой стали предлагать свои варианты. Кричали все кто как мог, но больше всех усердствовал Виктор Петрович, который в итоге всех перекричал. Он предложил устроить администрации бойкот.

Марк разочарованно смотрел на товарищей.

Светлана Викторовна совершенно ошалела от гвалта в гостиной и вполголоса сказала ему:

– Знаете, так мы ничего решить не сможем. Когда ваши соратники успокоятся, дайте мне слово. Пора с этим базаром кончать.

– А что вы им можете предложить? Я уже и сам не рад, что рассказал эту историю. Тьфу ты, гнуснее ничего не придумаешь!

– Не переживайте, всё образуется. Я уверена, что мы найдём способ, как повлиять на мэра. Всё произойдёт без ненужного кровопролития.

Марк удивленно посмотрел на неё. Всё в этой женщине нравилось ему, но он за годы знакомства не сделал ни единой попытки сблизиться с ней. Он смотрел на неё и ловил себя на мысли, что и она, может быть, думает точно так же. Он старался не допускать мужских мыслей о ней, но они приходили всегда, как только ему случалось видеть Светлану Викторовну.

Марк отвёл взгляд и задумался. Ни положением, ни деньгами нельзя было прельстить эту женщину. Это знание ещё больше разжигало его. Хорошо, что она ни о чём не догадывается, но одновременно это невыносимо больно, это так больно, что только осознание своей нравственной значимости в её глазах могло успокоить мятеж в его голове. Всё, чем он занимался сейчас, казалось ему мелким и ничтожным, не достойным его ума, его стремления сделать жизнь лучше, чище. Он гнал от себя эти мысли, но они приходили вновь и вновь, приходили и заявляли: нет, ты не такой, каким хочешь казаться, ты гораздо ниже!

А между тем собрание окончательно вышло из берегов. Каждый что-то предлагал, но ничего путного не было в итоге придумано, и Марк понял, что всё придётся решать ему одному.

Чтобы закрыть вопрос, он предложил гостям выслушать его ещё раз:

– Друзья, у меня на руках имеется один любопытный документ, который я хочу прочитать. Нет ли возражений?

– Нет, нет! – закричали все хором.

Марк, жестом призвав всех к тишине, начал выступление:

– Это коллективная жалоба жильцов нашего восставшего дома, адресованная прокурору. Я прочту её: «Уважаемый Олег Юрьевич! Мы, жильцы коммунальной четырёхкомнатной квартиры по указанному адресу, просим Вас разобраться в ситуации с капитальным ремонтом. Мы, рядовые квартиросъёмщики, долгие годы не можем добиться исполнения прямых служебных обязанностей от работников РЭУ-9 и соответствующих служб ООО "Жилсервис", которое является нашей управляющей компанией. Все наши обращения в указанные организации остаются без внимания. Мы не стали бы обращаться к Вам, если бы сложившаяся ситуация не

переросла в критическую и не стала угрожать сохранности дома, а также жизни и здоровью проживающих в нём людей.

Капитальный ремонт в нашем доме, как утверждают работники РЭУ-9, уже проведён. Заявляем Вам со всей ответственностью, что это ложь. В нашей квартире капитального ремонта не было с момента заселения дома, а значит, около восьмидесяти лет! Водопроводная сеть изношена, сантехническое оборудование, вероятно, ещё довоенное. Изношенные трубы и проржавевший стояк постоянно протекают, а РЭУ до этого никакого дела нет. Мы забыли, когда последний раз в нашей квартире была горячая вода. Вода еле-еле теплая. Почему же с нас взимают плату за неё?

Год назад ТВ "Поиск" объявило, что в доме будут демонтированы старые оконные рамы, прогнившие от времени и не подлежащие ремонту, а на их месте будут установлены стеклопакеты. Мы ждали обещанной замены, а теперь уже ничего не ждём. Мы поняли, что это был очередной обман. А между тем мы боимся открывать окна в комнатах, потому что рамы прогнили настолько, что от нажатия могут просто вывалиться наружу, и не дай бог кому-нибудь на голову. Со страхом ждём зимы, которая не за горами. Ведь если случится такая беда с гнилыми рамами, то мы просто перемерзнем все, а в квартире лопнут батареи. Что делать тогда?

Мы боимся пользоваться газовой плитой, поскольку ей уже больше пятидесяти лет, от старости она вся проржавела. Стены в кухне, коридоре и ванной комнате осыпаются от старости (это не бетонные плиты, а оштукатуренная обрешётка), на потолке трещины, пол на кухне от сырости проваливается. А мы не можем даже косметический ремонт сделать, потому что электропроводка в нашей квартире такая же старая, как весь дом, она по стенам висит гирляндами. В любой момент может произойти короткое замыкание, и кто будет виноват? Работники РЭУ-9 знают о ситуации, но мер никаких не предпринимают, – надеются, наверное, что всё само собой как-нибудь рассосётся, а они будут спокойно пить чай у себя в конторе. На все наши просьбы о помощи мы слышим от них одни лишь хамские замечания и даже угрозы в свой адрес. Мы живём в постоянном страхе и всё время гадаем, что произойдёт в нашей квартире раньше – пожар или потоп?

В нашем доме появился очередной отремонтированный подвал, который сдаётся в аренду. На это деньги нашлись. Кровлю РЭУ заменило, но лучше бы оно этого не делало, – работой занимались гастарбайтеры, которые не удосужились сделать водосток, и теперь в дождь вода с крыши стекает не по желобам, а прямо по стенам. Вот такая "забота" о людях. Буквально в пяти метрах от нашего дома начато какое-то строительство, о котором нас, как людей третьего сорта, никто не поставил в известность. Обнесли стройку металлическим глухим забором (сделано это было за один день) и начали так стучать, что у нас дребезжат стёкла и плита на кухне трясётся. Что это за пиратский захват в центре города?

У нас есть все основания полагать, что деньги, выделенные руководству РЭУ-9 на капитальный ремонт в нашем доме, оно потратило неизвестно куда. А может быть, просто присвоило. Не можем этого утверждать с уверенностью, но полное бездействие РЭУ-9 в вопросе капитального ремонта невольно наталкивает на эти мысли. Мы просим Вас принять меры прокурорского реагирования по фактам, изложенным в нашем письме. Терпеть это издевательство дальше мы не намерены. Мы платим за капитальный и текущий ремонт каждый месяц, а ремонта никакого не видим». Ну вот, собственно, всё. От себя лишь добавлю, что никакого толка жильцы так и не добились и пришли с этим заявлением ко мне в редакцию. Я полагаю, что зря они обратились к прокурору. Мне лично известно, что загородные дома прокурора Колуна и заместителя мэра расположены по соседству, а строила их, между прочим, одна фирма, которой оба этих деятеля задолжали деньги.

– А где построились наши руководители, не известно, Марк? – спросил Виктор Петрович.

– Почему не известно? В Тверской области, на Волге. Любят они великую русскую реку. Там лес, рыбалка, охота знатная.

– Вот куда утекли денежки на капитальный ремонт. Значит, наши бояре потихоньку строят себе запасной аэродром. Ловко! Чтобы, значит, в случае грандиозного шухера было куда смыться.

– На этот случай, уважаемый Виктор Петрович, у них давно уже всё построено, и не среди наших берёз. А это так, для души, – отдохнуть от патриотических чувств и расслабиться. И вообще, мне совершенно всё равно, где они живут.

Марк посмотрел на Светлану Викторовну. Она улыбнулась, повела плечами и опустила глаза.

Он вспомнил, что обещал ей выступление, и поспешил закончить пустые словопрения:

– Мы, друзья, долго можем обсуждать достоинства и недостатки нашего руководства. Мы ещё не выслушали нашего уважаемого представителя прессы. Светлане Викторовне, я полагаю, есть что сказать.

Светлана Викторовна на мгновение задумалась, собираясь с мыслями, и начала говорить.

Она говорила тихо и медленно, как будто каждое слово, произносимое ею, требовало внутреннего контроля:

– Знаете, коллеги, я вообще-то не хотела говорить, полагая, что мы придём к общему решению и без моих соображений. Но уж так получилось, что я располагаю информацией, которая поможет всем нам выйти из этой ситуации. Я посидела в городской библиотеке, в интернет залезла и кое-что выяснила. До сих пор было известно, что наш город героически сдерживал наступление немцев осенью сорок первого года. Это официальная версия наших властей. Но не всё так просто. По сути, на момент взятия города в нём не было боевых частей, способных хотя бы на час сдержать противника. Да, не удивляйтесь. Фронт растянулся на несколько километров, и в нём образовалась брешь, которая позволила противнику беспрепятственно войти в город. Накануне оккупации командир батальона, защищавшего подступы на юго-восточной окраине, пустил себе пулю в лоб. Он остался без бойцов, без поддержки артиллерии, и предпочёл смерть от собственной руки, а не по приговору трибунала. Такое было страшное время. Несколько офицеров расстреляли перед строем, обвинив их в оставлении боевых позиций. Они, якобы, в критический момент просто пьянствовали, позволив врагу прорвать оборону. Большой вопрос, существовала ли вообще эта оборона. По некоторым сведениям, у командования фронта на тот момент просто не было резервных боевых частей, которые смогли бы на некоторое время сдержать наступление немцев. Теперь сложно судить, насколько соответствует истине общеизвестная версия тех далёких событий. Известно только, что несколько дней перед оккупацией участок фронта вообще оставался без руководства. На протяжении двух месяцев город страшно бомбили, камня на камне не осталось, и обвинить тех расстрелянных офицеров в трусости, я полагаю, было выходом для командования, которое само не смогло вовремя организовать оборону. Всё это я рассказала вам, чтобы вы поняли подоплёку сегодняшних событий. Может быть, пройдет ещё сто или двести лет, прежде чем рассекретят все военные архивы и позволят вслух сказать правду. Может быть, существовали десятки безымянных героев, которые сложили голову за наш город и о которых мы не узнаем никогда. Нам, потомкам, вроде бы не в чем себя упрекнуть. Всегда легче кого-то осуждать или, наоборот, почитать и гордиться с высоты пройденных лет, с высоты истории, которая, в общем-то, не раскрыта перед нами.

Светлана Викторовна остановилась, чтобы перевести дух. Стояла такая тишина, что слышно было, как тикают ходики на стене. Убедившись, что её речь благодарно воспринята, она продолжила:

– Вы знаете, что на протяжении нескольких лет глава нашего района, Александр Николаевич, добивается присвоения Клиничу звания города воинской славы. В чём-то он прав. Если бы такое произошло, то ему лично достались бы лавры устроителя исторической справедливости. Но, к сожалению, все попытки нашего руководства воззвать к разуму потерпели пора-

жение. Город не получит дополнительного финансирования, не будет никаких преференций, и вы теперь знаете, почему так будет. В России, я думаю, кроме двух несомненных бед, о которых сказал наш литературный классик, существует ещё одна беда, которая постоянно говорит нам, что она мать родная для Отечества. Эта беда – самозванцы. Они говорят нам: не ходите за нами, мы не такие, как вы. И нам, друзья, ни к чему писать калязинские челобитные во власть, она не поможет нам. Недавно редактор поручил мне подготовить к публикации воспоминания одного клиничанина, который жил в районе во время оккупации и, так уж случилось, совсем случайно стал свидетелем погребения наших павших воинов. К сожалению, эту могилу ветеран не смог найти. Вероятно, в этом месте захоронено много бойцов. Находили в нашем районе и другие захоронения, они сейчас известны, но есть одно «но» – все эти братские могилы относятся к периоду, следовавшему за оккупацией. Тогда, при освобождении, действительно много было случаев массового героизма. Вспомните хотя бы бой у села Воронино. Немцы установили на колокольне пулемёт, а спуск с холма полили водой, так что он превратился в каток. Они открыли по нашим бойцам ураганный огонь, но это им не помогло, – к вечеру село было освобождено. Наши солдаты шли без страха в штыковой бой, вызывали огонь на себя, танкисты в открытом бою сминали немецкую артиллерию, горели в машинах. Город и окрестности были завалены трупами, и немцы бежали без оглядки, оставляя раненых и всё награбленное. Картина отступления была жуткой. Если хотите знать моё мнение, то я считаю, что город, безусловно, заслуживает это высокое воинское звание. Но не будет этого. Поэтому бесплодны все попытки обращения за помощью к нашей администрации. Поверьте мне, власть наша бегаёт быстро только тогда, когда видит приз в конце тоннеля.

– Светлана Викторовна, что же вы предлагаете нам сделать по существу вопроса? – спросил Виктор Петрович.

– Надо добиться установления на доме Марцелова мемориальной доски. Как только это произойдёт, мэр уже не сможет игнорировать проблему капитального ремонта. Ну, а если этого не произойдёт, – Светлана Викторовна развела руками, – тогда только на Меркель и придётся полагаться. Нам нечего стыдиться, это ложный стыд. И забудьте о морали и принципах человеколюбия при общении с администрацией.

Гости разошлись к четырём часам, когда на улице уже стало темнеть. Марк знал, что добираться до города Светлане Викторовне придётся на перекладных, на двух маршрутках, и предложил ей ехать на его машине. Она согласилась, и он с радостью завёл свой старенький «форд». С осторожностью он пробирался по разбитой вдребезги грунтовке, кое-где в колдобинах присыпанной битым кирпичом, и сначала оба они молча смотрели на пейзажи за окном.

Но виды заросших полей и брошенных ферм навевали тоску, и Марк, видевший, как молча грустила его спутница, спросил:

– Что у вас нового в редакции? Я недавно прочитал передовицу Шитова и чуть со смеха не помер. Он предложил горожанам пить пиво «Клиническое». Это, мол, отобразит патриотические настроения граждан.

– Да, точно! – оживилась Светлана Викторовна. – Какой-то шутник прислал нам письмо с критикой. Знаете, что написал? «Моя моча лучше», – пошутил. Мол, ваш корреспондент на почве импортозамещения совсем рехнулся. Честно говоря, я с ним согласна.

Они начали рассказывать друг другу анекдоты из городской жизни. Сумрак за окнами сгущался. За разговорами они не заметили, как подъехали к городской окраине. Марк с сожалением думал, что через десять минут он расстанется с женщиной, которая вот уже два года занимает все его мысли. С другой стороны, было невыносимо осознавать, что его придуманный мир может быть разрушен, что любая неосторожность может выдать его, и оттого ему становилось ещё тяжелее, – хотя он ненавидел саму мысль о том, что его внутренняя жизнь теперь окончательно зависит от этой женщины. Как бесконечно глупа его судьба, как зависим он от собственных, может быть, неверных представлений о женской и мужской сущности, сколько

ещё страданий предстоит ему! Всё это разом пронеслось в его голове, но усилием воли он не дал унынию поселиться в душе и решил думать о чём-нибудь приятном.

Они расстались у калитки. Марк решил не возвращаться в деревню и переночевать в городской квартире брата. Грусть и радость смешались в его сердце, и он понял, как будет тяжело страдать, но это совсем не пугало его. Скорее, он чувствовал, что все его страхи, все светлые и мрачные мысли вытеснили наконец из души пустоту, и он стал тем, кем должно было ему стать. И пусть теперь мир перевернётся трижды, – всё он примет без разлада в сердце, всему найдёт объяснение!

Город окончательно окунулся во мглу. Марк ощутил, что он представляет Клинич старым чудесным замком, как когда-то в далёком детстве, когда не была его невинная душа отягощена памятью, опытом и представлениями о мире. Это состояние длилось недолго, но оно дало ему такую душевную силу, какую он давно уже не испытывал. И он с облегчением почувствовал, что готов к завтрашнему дню, ко всем сложностям мира, не отрицая ничего в нём, не думая плохо о самом себе и о людях, которые окружали его.

Глава пятая. Родные судьбы

К Куршаковым в начале декабря приехал родственник из Москвы, которому мама Светланы Викторовны была несказанно рада. Это был её двоюродный брат, Герман Тябликов, высокий импозантный мужчина, по-военному подтянутый и немногословный. Светлана Викторовна обожала своего дядю, и они расцеловались тепло и искренне.

– Что нового в Москве у вас, дядя Герман? Я сто лет в столице не была. Как мои троюродные братцы поживают? – стала она расспрашивать гостя.

За вечерним чаем Герман рассказал вначале о семейных делах, а затем перешёл к делу, которое всю дорогу не давало ему покоя.

– Я, девочки мои дорогие, недавно по скайпу связался с нашими швейцарскими родственниками, – начал он свой рассказ. – Знаете ли, чем они меня огорошили? Около их дома в горах уже два года живут какие-то русские, а недавно мой племянник Гейнц, говорящий немного по-русски, познакомился с одним из них. Им оказался некто Игорь Постегань, сын вашего мэра. Каково, а? Прямо-таки так тесен мир, что и представить невозможно. Ну, разговорились они. Игорь спросил Гейнца, откуда тот знает русский и как его семья очутилась в альпийских горах. А Гейнц, представьте себе, только со мной из всей нашей родни и общался. Это было девять лет назад, когда я по делам университета был в Женеве. Само собою, кое-что я тогда ему рассказал. Но очень немного, потому что сам толком ничего не знаю.

Так вот, молодой Постегань выяснил, что Гейнц имеет дальних родственников в России. «А где они живут?» – поинтересовался, вскользь так, для поддержания беседы. Наш Гейнц, наморщив лоб, вспомнил название города. Тут Игорь ахнул. Действительно, ведь это уму непостижимо! Он искал уединённое шале в горах, а наткнулся на соседей родом из России, более того, – из его родного города! Бывают же чудеса на свете! Стал он немца нашего подробнее расспрашивать: кто в Клиниче живёт из его родственников, какую они фамилию носят. А откуда Гейнцу про это знать, если он из всей родни только меня и видел? Пристал наш швейцарский родственник ко мне, как банный лист к одному, извините, месту, – захотел узнать историю семьи. Ну, ладно. У них так заведено, у швабов. Обязаны знать всю родню до седьмого колена. А если чего-то не знают, так из пастора, который метриками ведаёт, всю душу вытрясут. Мне известно, что только один человек среди нас знает историю Тябликовых. Это ты, Светлана, – обратился он к племяннице. – Не сможешь ли мне в этом вопросе?

Рассказ дяди Светлана Викторовна выслушала с необыкновенным интересом. Этот случай показался ей действительно выдающимся.

– Что же, я могу помочь тебе в этом деле. Но начать придётся издалека.

– А я и не спешу, – пошутил в ответ дядя. – Между прочим, к вам на машине добраться труднее, чем в Швейцарию. Ленинградка разбита вдребезги, пробки несусветные, а перед Зеленоградом я стоял не меньше часа. Пока стоял, такого живописного мата наслушался, что впору было записывать.

Все рассмеялись, а Светлана Викторовна, выйдя из комнаты, вернулась обратно с газетой в руках.

– Это наша районная газета, – пояснила она. – Год назад я написала статью о клиническом кирпичном заводе. Сейчас он в руинах, а когда-то, ещё до революции, был известен в России. История этого завода – это, без всякого преувеличения, история нашей семьи. Мы из известной купеческой фамилии, между прочим. Вот, слушайте, – и она начала читать:

«По воспоминаниям клинических старожилов А.М.Никитиной, Д.Л. Войцеховского и его жены, А.М. Боссерт, многие именитые купцы имели свои лавки в городе, в том числе и в торговых рядах. Известны были в городе галантерейная лавка Щукиной, обувная лавка Грязнова, бакалейная лавка Боряхина и Маслова, булочная и колбасная Петра Евстигнеева, мясная лавка Горбунковых (имели они также лавки железных, скобяных и шорных изделий), мясная лавка Скокова. В торговых рядах славились магазины братьев Боразденных. Один из них держал галантерейный магазин, другой торговал металлическими изделиями: вёдрами, сковородками, пилами, молотками, гвоздями, косами, серпами, топорами. Многим клиничанам помнится булочная Якова Фадеевича Смирнова. Имел он также и пекарни, амбары, лабазы. В валяльной мастерской Грязнова многие горожане заказывали добротные валенки. Купец Сахаров содержал пивоваренный завод, который находился на нынешней Красноармейской. Купец Панкратов содержал магазин фруктовых вод, соков, варенья и другой снеди. Иван Малыгин, купец второй гильдии, имел лавку, в которой торговал церковной утварью: иконами, лампадами, лампадным маслом, свечами и прочим.

Наиболее преуспевающие купцы, имея средства, открывали фабрики и заводы, используя наёмных рабочих. Так, Иван Михайлович Соколов, городской голова, с 1810 года являлся владельцем кожевенного завода, занимался выделкой кож. Другой купец, Максимов, владелец бойни и колбасного производства, имел лавку для продажи мясных изделий. Купец А.М. Монахов основал кондитерскую фабрику, где наладил производство патоки и безалкогольных напитков. Кондитерская фабрика купца Монахова была расположена на Сестрорецкой, в доме № 11. Эти купцы состояли в московской купеческой гильдии и были поставщиками в Петербурге и Москве, а также обеспечивали своей продукцией всю Московскую губернию. Самыми известными и уважаемыми людьми в Клиниче были купцы, основавшие в городе довольно крупные по тому времени промышленные предприятия, продукция которых пользовалась большим неизменным спросом. Купец второй гильдии Василий Григорьевич Орлов и его сыновья Николай, Александр и Михаил стали основателями первого в Клиниче стекольного завода (ныне это завод «Химлаборприбор») и построили аптеку в центре города. Иван Максимович Титов (из крестьян) основал другой стекольный завод (ныне это завод «Медстекло»). Купец Аркадий Анисимович Тябликов на окраине города построил кирпичный завод и наладил производство кирпича и керамических изразцов, которыми многие горожане украшали интерьеры, каминные и печи в своих домах. Таким образом, город Клинич, благодаря в основном купечеству, стал не только торговым, но ещё и промышленным городом.

Родственные связи купцов Кузнецовых, Орловых и Тябликовых

Случай свёл автора этого очерка с дочерью основателя кирпичного завода Любовью Аркадьевной Крутилиной (урождённой Тябликовой), которая рассказала много интересного о своей родословной, близких родственниках, их судьбе. Семье Тябликовых принадлежал сохранившийся до наших дней дом на Ново-Ямской улице. Это двухэтажный добротный дом,

построенный из тябликовского кирпича, в котором родились Люба Тябликова, её братья Борис и Валентин и две младшие сестры. Мама Любы – Вера Андреевна – происходила из известной купеческой семьи Кузнецовых. Её отец, богатый купец Андрей Кузнецов, занимался весьма доходным шорным производством, владел двумя крепкими домами, которые сразу же после революции были экспропрированы и отданы городской бедноте. Но бедноту из них скоро выгнали, потому что та сначала растащила всё имущество, а потом, в холодную зиму, порубила мебель на дрова. В домах поселили какие-то комитеты, что спасло их от полного уничтожения.

Женой Андрея Кузнецова была красавица цыганка Софья. Вначале родные противились их свадьбе, но Андрей откупился, «отстегнув» им кругленькую сумму.

В семье Кузнецовых было четыре дочери и пять сыновей. Одна из дочерей, Вера Андреевна, вышла замуж за Аркадия Анисимовича Тябликова – основателя кирпичного завода. Старшая дочь, Анна Андреевна, вышла за купца Николая Васильевича Орлова – владельца стекольного завода, но любви между ними не было, так как Н.В. Орлов любил её сестру, Веру Андреевну, даже сватался к ней, но ему отказали, поскольку старшая сестра была не замужем. Её и отдали за Орлова, который всю свою жизнь любил только Веру Андреевну и помогал её семье в трудное время.

Сёстры Анна и Вера дружили, окончили женскую гимназию, выгодно вышли замуж. Но тучи над их семьями сгущались: грянула революция 1917 года, а через десять лет, в 1927 году, семья Тябликовых была репрессирована. Аркадия Анисимовича арестовали и осудили (четыре месяца он находился в тюрьме на Тихой улице, где заболел раком). В это время его семью увезли на поселение в Сибирь, но доехала она только до Новосибирска, – выручил зять, Н.В. Орлов.

Помощь Н.В. Орлова

В 1927 году Н.В. Орлов тоже пострадал, несмотря на то что являлся крупным специалистом в области стекловарения. После продажи стекольного завода он переехал в город Сходню Московской губернии, купил там небольшой стекольный заводик и дачу, на которой жил со своей семьёй. Но завод в Сходне вскоре отобрали, и какое-то время он не работал. По программе НЭПа надо было пускать этот завод, и Н.В. Орлову предложили должность директора. Он, в свою очередь, поставил условие, что пустит завод (гуту), если вернут из Сибири семью Тябликовых.

В это время действовало постановление В.И. Ленина, защищавшее учёных от притеснений и обязывавшее все государственные органы оказывать содействие их семьям. У Н.В. Орлова к тому же была охранная грамота, подписанная Лениным. Позже охранная грамота сыграла положительную роль в судьбе его сына. Анатолий Николаевич Орлов в 50-е годы был заместителем министра стекольной промышленности РСФСР.

Так уж случилось, что благодаря ходатайству и смелости незаурядного человека, Н.В. Орлова, семью Тябликовых вернули в Клинич из Сибири и освободили главу семейства. Н.В. Орлов сразу же отвёз его в Москву на срочную операцию, но болезнь была запущена, и операция не помогла. Вскоре А.А. Тябликов умер. Похоронили его у Скорбященской церкви, где ранее были похоронены его родители.

Преданные слуги Тябликовых

После раскулачивания и репрессий семья Тябликовых лишилась всего: земли, жилья, имущества и другой собственности. Таких людей в Клиниче было немало. Их переселяли в отдалённые места России, везли, как скот, в телячьих вагонах. Перед одной такой отправкой людей собрали в железнодорожном саду и охраняли собаками до прихода специального эше-

лона. Никаких вещей с собой взять не разрешили. Вместе с Тяблицовыми были их верные слуги: сёстры тетя Груша (Аграфена Григорьевна) и баба Акулина.

Во время раскулачивания Аграфена сыграла большую роль в спасении части имущества хозяев. Она сумела спрятать шкатулку с драгоценностями и довезла её до Сибири. Потом деньги, вырученные от продажи драгоценностей, пошли на то, чтобы после возвращения в Клинич достроить небольшой деревянный домик (сруб уже стоял на Ново-Ямской), рядом с двухэтажным кирпичным домом, бывшим их владением. Он был уже заселён другими семьями. Домик для семьи Тяблицовых достроили бывшие рабочие хозяина. В войну он сгорел.

Потомок клиничских купцов

Любовь Аркадьевна Крутилина (урождённая Тяблицова), дочь основателя клиничского кирпичного завода Аркадия Анисимовича Тяблицова и внучка купца Андрея Кузнецова, родилась в 1921 году в том самом двухэтажном кирпичном доме (это сейчас дом № 27) на Ново-Ямской. Строил этот дом её отец. Там же родились все дети.

На долю Л.А. Тяблицовой выпало немало жизненных невзгод и испытаний. Когда её семью раскулачили, ей было всего 6 лет. В школу её не сразу взяли, смотрели на неё, как на дочь «врага народа». И только благодаря тому, что четыре её тётки были учительницами в разных школах Клинича, Любу Тяблицову взяли в школу на улице Ленина, где она сидела за одной партой с Лилей Прудкиной – сестрой Марка Прудкина. За резкий и неуживчивый характер Любу перевели в другую школу, расположенную на Крестьянской улице (позже в этом здании было ремесленное училище № 44). В старших классах Люба Тяблицова, как и многие её сверстники, увлеклась спортом.

В 1936-1938 годах она активно занималась спортом на стадионе «Азот» в Майданове (так назывался в середине 30-х годов будущий стадион «Химик»). Люба Тяблицова была в числе спортсменов, которых отправили в Москву на парад физкультурников. В семейном архиве сохранилось несколько фотографий, на которых Люба в спортивной форме того времени среди своих подруг.

Десятый класс Люба так и не закончила, – началась война. До прихода немцев она по путёвке комсомола работала во Фроловском на лесоповале. Потом – в городской типографии. В 1941 году директором типографии был Голованов, а снабженцем – Петр Обязуев, который выдал фашистам шрифт, спрятанный сотрудниками под плитами пола. Фашисты использовали этот шрифт для печатания своих листовок. Уже после войны Обязуева разоблачили и арестовали.

В послевоенные годы Л.А. Тяблицова много работала: сначала на инкубаторной станции птицефабрики, потом поступила оператором на завод ЖБИ, где добросовестно трудилась до назначения пенсии. Последние три года по просьбе начальства работала на заводской свиноферме, – там выращивали свиней на мясо для своих рабочих. В 1979 году Л.А. Тяблицова ушла на пенсию.

Прожив трудную многострадальную жизнь, Любовь Аркадьевна мечтает о том, чтобы её внучка Ирина и правнучка Екатерина были счастливы и не забывали своих корней».

Окончив чтение, Светлана Викторовна вздохнула. Она вспомнила, как нелегко ей дался этот материал. Буднич настаивал, чтобы она «сгладила острые углы» и не акцентировала внимание на репрессиях. Но Светлана Викторовна упёрлась и заявила редактору, что вообще ничего писать не будет, если он пропустит статью в обрезанном и причёсанном виде. «Чего вы боитесь, Игорь Семёнович? Вас что, тоже отправят в Сибирь, как моих родственников?» – спросила она. «Вам легко рассуждать, Светлана Викторовна! Вы же, в конце концов, не редактор и ответственность несёте минимальную. А я ежечасно думаю, какая шлея под хвост попадёт нашим властям. От них ведь чего угодно можно ждать. И так Постегань на меня косо смотрит.

Кто знает, какая у него родословная. Вот вы, Светлана Викторовна, знаете? Нет, не знаете. А я иногда думаю, что, судя по его методам, набрался он этого всего от своих родственников», – заявил Буденич откровенно, несколько уязвленный колкостью корректора.

Светлана Викторовна понимала его положение, но всё же не могла взять в толк, чего или кого он так испугался. «Это же дела давно минувших дней, Игорь Семёнович!» – опять атаковала она шефа. «Я вижу, что с вами спорить бесполезно. Вы решили, что я ретроград и унылая личность. Думайте что хотите, только оставьте меня в покое. Но я вас по-товарищески предупреждаю, Светлана Викторовна, – он многозначительно поднял указательный палец и повертел им в воздухе, очерчивая круг, – будьте осторожны с этими деятелями». Разговор закончился тем, что Буденич махнул на неё рукой, но относительно статьи сказал, что с него взятки гладки, уж коли автор такой дерзкий. На том они и расстались тогда.

Она спросила:

– Как вам, дядя, мой материал? Понимаю, у вас вопросы есть. Дело в том, что я осветила только довоенную историю Тябликовых. У Любы Тябликовой, как вы знаете, кроме двух сестёр, одна из которых родила мою маму, был ещё родной брат, который оказался в лагере для перемещённых лиц во Франции. Возвращаться в СССР он не стал, наслушавшись в американской зоне, как родина его может принять. Я думаю, что правильно сделал. Во Франции он женился на дочери швейцарского фермера и спустя некоторое время перебрался к своему тестю. Собственно, вот вся история. Никому из родных в Россию он писать не мог, сами понимаете, и только в 90-е годы его сын Адальберт разыскал нас. Он приехал в Россию, встретился с родной теткой, Любовью Аркадьевной, которая ещё была жива, и оставил свой швейцарский адрес.

Дядя сидел в старом кресле под плетёным абажуром и в задумчивости разглядывал странные тени, которые свет из-под лампы причудливо разбросал по комнате. Почти всё, что он услышал, было ново для него. Он по натуре не был фаталистом и в судьбу не верил, но рассказ племянницы взволновал его. Он решил сразу, как только приедет в Москву, издать нечто вроде семейной хроники. Утром он уехал, а Светлана Викторовна, заинтригованная, стала размышлять о семействе Постеганей.

Она знала, что у мэра есть два сына. Про младшего, Дениса, она ничего не знала, кроме того, что он учится в столичном университете и с отцом видится редко. Старший сын, Игорь, известен был в городе тем, что на первых порах во всём помогал отцу, был совладельцем папиного авторемонтного бизнеса, а затем куда-то исчез, и с тех пор о нём ни слуху ни духу. Вчерашнее общение с дядей принесло весьма неожиданные плоды, и Светлане Викторовне наконец-то стал понятен ответ на вопрос, который многих в городе волновал и который давно стал темой для разного рода городских кривотолков и сплетен. Одни говорили, что Игорь бросил отцовский бизнес и уехал в родные места, на Кубань, где стал вести собственное дело. Другие, слушая это, только смеялись, не веря никаким слухам о сыновней деловой самостоятельности. Да и Светлана Викторовна, откровенно говоря, этому не верила, потому что по опыту знала, как сильно даже неблизких людей могут связать деньги. А здесь речь шла об отце с сыном, к тому же все знали, что Игорь любит отца, с детства к нему привязан и шагу без него не сделает.

Ей давно уже было понятно, что деньги из района уходят в какую-то чёрную дыру. На городское начальство она смотрела насмешливо, презирая его в душе. Но и связываться с ним, записавшись в открытую оппозицию, как это сделал Марк, она не собиралась, думая про себя, что не стоят эти люди даже её внимания, поскольку от природы глупы, завистливы и жадны, а эти качества в человеке она не выносила вовсе.

Теперь понятно ей стало, куда ушли деньги от продажи муниципальной недвижимости, а также земель в природоохранной зоне, которые перед самыми торгами администрация загадочным образом вывела из реестра. Ей лень было даже думать, что можно об этом писать, доказывая неизвестно кому, что это правда. Поэтому, посмеявшись про себя над конспиратор-

скими талантами постеганевского семейства, она к следующему утру и забыла эту историю. Приготовила сама завтрак и позвала семью к столу, что редко делала. За утренним кофе дочка и родители смотрели на неё с любопытством.

– Что это ты такая весёлая с утра? На тебя это не похоже, – протянула задумчиво мама, предположив, что дочка скинула с себя меланхолию, потому что наконец-то поговорила по душам с Марком и теперь у них, надо полагать, что-то намечается.

Светлана Викторовна в ответ сказала какую-то чепуху, рассмеялась и ушла на службу.

Она решила идти в редакцию не обычным своим маршрутом, а по старому деревянному мосту, связывавшему старую часть города с дачным посёлком, в котором жила. Это было совсем заброшенное место, и редко кто из горожан выбирал его для прогулки, но Светлана Викторовна именно поэтому и любила его. Здесь можно было собраться с мыслями, не ожидая, что кто-либо нарушит уединение. Здесь она часто вспоминала свою жизнь, всё хорошее и плохое, что было в ней, и не без сожаления думала иногда, что поступила бы иначе в некоторых случаях, если бы судьба дала ей шанс исправить прожитое. Вот и сейчас она вспомнила одно жаркое московское лето, не ставшее каким-то особенным в её жизни, но запомнившееся. И случай-то, произошедший в то лето, в общем, был самого анекдотического характера. Может, именно поэтому он и запомнился ей.

Дело было в конце июня. Они, пятеро человек, – две девушки и трое молодых людей – только что сдали сессию и с идиотскими улыбками на лицах, не веря своему счастью, строили планы на предстоящие каникулы. Заманчивые поездки на южные и северные курорты, а также на восток и запад от Москвы были с сожалением отвергнуты, поскольку денег ни у кого не было. И вот, по сложившейся уже традиции, как бы совершенно случайно вспомнив о подмосковной даче одного из них, Виктора, четверо друзей разом воскликнули:

– А как же наша чудесная дача! – и посмотрели безжалостно на несчастного её владельца.

Виктор, человек практического склада ума, воспринял коллективный намёк с библейской печалью. Он уже подсчитывал, во сколько ему обойдётся весёлый отдых четырёх вечно голодных и невероятно беспардонных его однокашников. А они уже обсуждали, каким образом разместятся в его апартаментах и что нужно купить из продуктов и вещей. Через три дня после совещания они приехали в деревню под Можайском, где была дача Виктора. Деревенская тишина, запах свежескошенной травы и в особенности пейзажи Можайского озера каждый год будоражили их воображение. Все эти прелести обещали незабываемый отдых, и они, едва отдохнув с дороги и побросав вещи на террасу, пошли осматривать деревню и туземцев. Туземцев, впрочем, совсем не было видно: из-за оград и заборов на них поглядывали явно московские лица. В большинстве дворов, мимо которых они прошли, всюду кипела жизнь, – это субботняя электричка, привёзшая их в чудесное Красное, доставила туда же орды городских родственников и владельцев дач. И вся эта орава приехала в деревню, которую они считали своей собственностью! Вот она, цивилизация.

Какой-то толстый очкастый мальчишка на велосипеде притормозил и прицелился в их сторону из водяного пистолета. Секунда – и струя воды гостеприимно освежила их, а толстый наглец с победным визгом исчез, свернув с дороги в проулок.

– М-да, отдых явно усложняется, – протянула Ольга, лучшая подруга Светланы Викторовны. Тогда, впрочем, никто ее Светланой Викторовной не называл, – для друзей она была просто Света.

– А ты здесь поселянок в сарафанах хотела увидеть, что ли? Тебя трёхлетний опыт здешнего гостеприимства ничему не научил, – съязвила Света.

Ольга не обиделась. Она захотела непременно пойти в лес и посмотреть, есть ли там грибы, но друзья её отговорили. Вместо леса они пошли в магазин, а оттуда домой. Виктор нёс в карманах две бутылки «Старой Москвы». Уже почти ночью они закатали грандиозный ужин в летней кухне, с самодельными коктейлями и при свечах. Слава богу, что пирушка прошла

там, иначе они непременно спалили бы дом. С непривычки к крепким напиткам они изрядно набрались. Сергею и Ольге пришло в голову воспроизвести сцену из жизни греческих богов и титанов, а именно похищение священного огня Прометеем. Получилось великолепно, но лишь по счастливой случайности нетвёрдо стоявший на ногах Прометей не поджёт занавески. Трезвей всех на Олимпе оказался, конечно, Виктор. Он самоотверженно бросился спасать своё имущество, вырвав из рук Прометея свечу. Затем он выдворил из кухни всю олимпийскую компанию. Оказавшись во дворе, Света увидела, как туда-сюда заходил колодезный журавль. Совершенно не понимая, в чём тут дело, она решила, что журавль каким-то образом ожил и свихнулся. Вдруг журавль отделился от колодца и направился к ней, а через мгновение она стояла вся мокрая и тряслась от холода. Рядом стоял Виктор с пустым ведром и гоготал с глупым восторгом. Вся компания пошла в дом спать, а утром домовладелец устроил им разнос, заявив, что не потерпит больше надругательства над своей недвижимостью.

– Никаких свечей, керосинок и плясок при луне! Вам тут не джунгли, а мой дом не бунгало! – гремел он в гнев, а они лишь тарацились по сторонам, стараясь не встречаться с Виктором взглядом.

Он был прав. Неделю после случившегося они вели себя вполне благообразно, если не считать нескольких незначительных эпизодов, позволявших предположить, что дикарство в них не изжито полностью. Так, несколько раз они совершали набеги на яблоневый сад пансионата, находившегося на берегу озера, и однажды за этим неблагоприятным занятием их застала медсестра этого заведения. С ловкостью кошек они слезли с обчищенных деревьев и дали дёру, а вдогонку им эта достойная женщина кричала, что товарища Сталина на них нет. Отбежав от сторонницы жёсткой руки на безопасное расстояние, Сергей резонно заметил, что не стоит так нервничать из-за каких-то сморщенных плодов.

– Да и яблоки у вас дрянь, зеленые и кислые! – резюмировал он, и они, уже не теряя достоинства, перелезли через садовую ограду и пошли домой.

Несколько раз они доили чужих коз. Но девушки заметили, что эти животные, помимо редкой дурасти, отличаются ещё и вредностью. Они не подпускали к себе без взятки в виде пучка зелени или хлеба, а молока давали не больше кружки. Поэтому гоп-компания решила отказаться от криминальных доек.

Но последняя проделка Сергея была особенно дерзка: он состряпал объявление об открытии салона интимных услуг, с преysкурантом и часами работы, и повесил его на калитку соседского дома, в котором проживала одинокая старушка-божий одуванчик.

– Ну, знаешь, это уже свинство! – вскипел Виктор, когда Сергей радостно изложил за ужином подробности этого предприятия, – немедленно сними эту гадость, слышишь?

– Не сниму, – угрюмо ответил Сергей. – Вреднее этой бабки нет человека во всей деревне. Сплетница ужасная. На днях встречает меня и заботливо так спрашивает: «А что, милый, скоро ли Витины двоюродные сестрёнки домой уедут?» А я ей: «А почему, Вера Петровна, вы решили, что они Вите сестры?» – «Так ведь они себя по-сестрински ведут, не как подружки, вольнее: бельё, я смотрю, и ваше, и их, попеременно сушится. Так разве между другом и подругами бывает?» Во, старая карга, и в бельё нос сунула!

Светлана и Ольга, услышав про бельё, развешанное по древним родственным канонам, вскипели от негодования. Непременно надо было проучить эту сплетницу. А Сергей ещё подлил масла в огонь, сказав, что наверняка уже вся деревня считает их «Витиными сестрами».

Но тут Виктор охладил общий гнев, обратившись к Сергею:

– А ты подумал о последствиях? Вера Петровна этого так не оставит. Ещё нажалуется участковому, и тогда – прощай, Красное. А университет? Письма в деканат захотели, голубчики? Ну а вы, «кузины», что скажете?

Сказать им было нечего. Виктор, как всегда, был прав. Но справедливости ради надо было заметить, что их благородный друг, скорее всего, боялся не столько участкового и кар деканата, сколько своей родной бабушки Эмилии Павловны.

Все они знали, что Эмилия Павловна и Вера Петровна если не закадычные подруги, то приятельницы точно; уж конечно, Вера Петровна прекрасно знала, что никаких кузин у Виктора нет, просто желание посплетничать на чужой счёт было её второй натурой. Реальная же угроза состояла в том, что Вера Петровна, безусловно, догадается, чьих это рук дело, и тогда позвонит Эмилии Павловне в Москву и нажалуется, а это грозило всем выдворением с дачи.

Эмилия Павловна, настоящая владелица дачи и любимая бабушка Виктора, двадцать пять лет проработала в университете, где обучалась вся компания. Она имела степень доктора наук, непререкаемый авторитет в кругу знакомых и весьма неуживчивый характер. Десять лет с тех пор, как она вышла на пенсию, прожиты были ею в соответствии с раз и навсегда установленным распорядком: зимой она жила в своей московской квартире и раз в две недели навещалась на дачу, чтобы присмотреть за домом и купить у своих приятельниц деревенского молока, яиц и прочего. В числе её поставщиков состояла и Вера Петровна. Понятно, что ссора с таким человеком, пусть даже и из-за горячо любимого внука, в планы Эмилии Павловны входить не могла.

На лето она, можно сказать, сдавала дачу в аренду внуку. В условия аренды входил уход за огородом и курами. Вручая внуку ключи от дома, Эмилия Павловна неизменно произносила: «И умоляю тебя, Витенька, – никаких эксцессов! Твои друзья, знаешь ли...» Она никогда не договаривала, что может такого знать о своих друзьях её внук. Эта фраза повисала в воздухе. Видимо, старушка в глубине души подозревала, что, останься она на лето в деревне, неизбежное общение с однокашниками Виктора выведет её из душевного равновесия.

Огород и куры – это была Витина синекура. Во всяком случае, так смотрела на это Эмилия Павловна. Со стороны можно было подумать, что Эмилия Павловна жертвует собственным отдыхом в угоду желаниям внука. Но Светлану ежедневный полив и прополка грядок, а также общение с глупыми птицами каждый раз убеждали в обратном. Кроме того, надо было носить воду из колодца и убирать в доме. За сезон им разрешалось съесть не более двух куриц. На овощи и клубнику ограничений не налагалось, но уж лучше бы, ей-богу, они были, поскольку старушка каждый год жаловалась Виктору, что с грядок осенью собирать нечего, – всё, мол, до последней морковки съедали внуковы друзья. Это была обидная неправда, но компания по молодости лет на охи и ахи Витиной бабушки внимания не обращала.

– Вы, друзья, скоро превратитесь в настоящих каманчей, – продолжал распекать их Виктор. – У меня складывается впечатление, что ещё неделька-другая такого отдыха, и мы начнём бегать по окрестностям с копьями в поисках диких кабанов.

– А ты нотаций нам не читай. Ишь ты, святой апостол какой выискался, – огрызнулась Ольга. – Лучше предложи что-нибудь стоящее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.